

# ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

10.2

3 выпуска в год на 17 языках

Разговор о социологии:  
Ален Кэйе

Сари Ханафи

Протесты  
и движения

Нгай-Лин Сум  
Михалис Лианос  
Хорхе Рохас Эрнандес  
Гунхильд Хансен-Рохас  
Рима Маджед

Медиа и цифровой  
капитализм

Марлен ван дер Эккер  
Марисоль Сандоваль  
Себастиан Севиньяни  
Марк Андреевич  
Джек Линчунь Цю  
Таннер Миррлис  
Мэнди Трёгер

Теоретические  
перспективы

Фрэнсис Нямиджо

Социология  
с Филиппин

Луи Бенедикт Р. Игнасио  
Джон Эндрю Евангелиста  
Филомин К. Гутьеррес  
Фиби Зои Мария Санчес

COVID-19:  
пандемия и кризис

Джеффри Плейерс  
Клаус Дёрре  
Сари Ханафи

Открытый раздел

- > Гендеризированное городское пространство  
в Бангладеш
- > Интернационализм трудящихся  
и свободная циркуляция капитала
- > Португалия в противостоянии с крайне правыми

ЖУРНАЛ



Том 10 / Выпуск 2 / Август 2020  
<https://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

# > От редакторов

**П**андемия COVID-19 и кризис являются основными темами обсуждения во многих странах. Так называемые горячие точки и разрывы между странами Глобального Севера и Юга демонстрируют, что социальное неравенство между ними является крайне выраженным. В ближайшие годы не только сфера медицинского обслуживания будет привлекать всеобщее внимание, но и экономические, социальные и политические последствия кризиса. В некоторых странах экономический кризис перерастает в глубокий продолжающийся социальный кризис, а политика ограничений ставит под угрозу демократическое устройство. Начиная с этого выпуска «Глобальный диалог» начинает обсуждать пандемию и ее значение для общества и социологии. Мы предлагаем авторам из разных стран и регионов принять участие в этом обсуждении. В этом номере три автора делятся своими размышлениями о распространении инфекции COVID-19 и его последствиях.

В разделе «Разговор о социологии» мы публикуем интервью, которое Сари Ханафи взял у Алена Кэйе, одного из основателей конвивалистского движения и соавтора его Манифеста. Кэйе подвергает критике неолиберальную позицию, описывает основания «конвивализма» и показывает, почему и каким образом это понятие работает как «пустое означающее», объединяющее людей, стремящихся создать «постлиберальный мир» и верящих в возможность реализации такого проекта.

В последние годы мы наблюдаем рост протеста против антимонархических тенденций, неолиберального развития и эффектов экономического и социального неравенства, порожденного рыночными механизмами. Новые социальные движения и протесты оппонируют политике истеблишмента во многих регионах мира. Наш первый симпозиум, в котором представлены статьи Нгай-Лин Сум, Михалиса Лианоса, Хорхе Рояса Фернанеса, Гунхильд Хансен-Рояса и Римы Маджед, обсуждает ситуацию в Гонконге, Франции, Чили, Ливане и Ираке.

- > «Глобальный диалог» доступен на 17 языках на [сайте MCA](#).
- > Статьи прсылайте на адрес [globaldialogue.isa@gmail.com](mailto:globaldialogue.isa@gmail.com).



Второй симпозиум посвящён роли медиа и коммуникаций, которые в погоне за прибылью, формируют наше общественное устройство. Статьи, собранные Марлен ван ден Эккер и Себастианом Севиньяни, обсуждают цифровизацию и маркетизацию коммуникаций. Здесь рассматриваются такие проблемы, как неоплачиваемый труд пользователей социальных медиа, роль больших данных в воспроизведстве капиталистических отношений и капиталистического накопления; положение нового цифрового рабочего класса в Китае и реструктурирование медиа систем. Исследователи показывают, что цифровизация и развитие новых медиа сопровождаются воспроизведством и трансформацией капитализма в различных уголках глобального мира.

Раздел «Теоретические перспективы» также посвящен осмыслению современных информационных и коммуникационных технологий. Антрополог Фрэнсис Нямиджо сопоставляет западное и центральноафриканское представление о сущности человека, укоренное в онтологии «незавершенности и композитной структуре человеческого бытия». Автор показывает, как эта философия преобразуется благодаря новым технологиям.

В разделе, посвященном развитию социологии в конкретной стране, а именно на Филиппинах, Филомин Гутьеррес пригласила коллег для обсуждения основных социологических проблем и достижений. В статьях обсуждается развитие городских исследований, публичной социологии, характеристики авторитарного популистского режима и проч.

Открытый раздел обсуждает такие темы, как возникновение гендеризированного публичного пространства, финансовый капитализм, интернационализацию труда и протесты против правого популизма. ■

**Бригитте Ауленбахер и Клаус Дёрре,**  
редакторы «Глобального диалога»

**GLOBAL  
DIALOGUE**

# > Редакторский совет

**Редакторы:** Бригитте Ауленбахер, Клаус Дёрре.

**Заместители редакторов:** Йоханна Грубнер, Кристине Шикерт.

**Младший редактор:** Апарна Сундар.

**Исполнительные редакторы:** Лола Бусуттил, Август Бага.

**Консультант:** Майкл Буравой.

**Медиаконсультант:** Хуан Лехаррага.

**Редакторы-консультанты:**

Сари Ханафи, Джейфри Плейерс, Филомин Гутьеррес, Элоиза Мартин, Савако Ширахасэ, Изабела Барлинска, Това Бенски, Чи-Чжоу Джей Чэнь, Ян Фритц, Коичи Хасэгава, Хироши Ишида, Грейс Куноу, Эллисон Локонто, Сьюзен Макдэниэл, Элина Оинас, Лаура Озо Казас, Бандана Пуркаястха, Рода Редлок, Мунир Сайдани, Айше Сактанбер, Сели Скалон, Назанин Шахрокни.

**Региональные редакторы**

**Арабский мир:** (Тунис) Мунир Сайдани, Фатима Разуани, Хабиб Хадж Салем; (Алжир) Сурайя Муудужи Гарруджи; (Марокко) Абдельхади Аль-Хальхули, Саида Зине; (Ливан) Сари Ханафи.

**Аргентина:** Магдалена Лемус, Пилар Pi Пуиг, Мартин Уртасун.

**Бангладеш:** Хабибуль Хаке Хондкер, Хасан Махмуд, У. С. Рокея Ахтер, Джуевель Рана, Тифика Султана, Асиф Бин Али, Хайрун Нахар, Кази Фадия Эша, Мухаймин Чаудхури, Хельаль Уддин, Мухаммед Юнус Али, Мостафизур Рахман, Джхилик Саха, Мария Сардар, Тахмид У. И. Ислам.

**Бразилия:** Густаво Танигути, Анжело Мартинс Жуниор, Андреас Гальи, Дмитри Сербонсини Фернандес, Густаво Диас, Жозе Гирадо Нето, Жессика Массини Мендес.

**Индия:** Рашими Джайн, Ниҳди Бансал, Прагья Шарма, Маниш Ядав.

**Индонезия:** Каманто Сунарто, Хари Нустрохо, Лусия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияти, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохамад Шохибудин, Доминггус Эльчик Ли, Антониус Арио Сето Харджана, Диана Тереза Пакаси, Нуруль Айни, Гегер Риянто, Адитья Прадана Сетиади.

**Иран:** Рейханех Джалавади, Ниайеш Долати, Аббас Шахраби, Сайед Мухамад Муталеби, Фаззех Хаджехзаде.

**Казахстан:** Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлееспаева, Куаныш Тель, Алмагуль Мусина, Акнур Иманкул.

**Польша:** Юстина Кошинская, Магдалена Камела, Александра Любиньская, Адам Мицлер, Джонатан Сковил, Александра Бернацкая, Якуб Баршевский, Агнешка Шипульская, Ига Лазиньская, Александра Сенн, Сара Герчиньская, София Пенза-Габлер, Ивона Бояджиева, Вероника Пек.

**Россия:** Елена Здравомыслова, Анастасия Даур, Валентина Исаева.

**Румыния:** Ралука Попеску, Раиса-Габриэла Замфиреску, Диана Александра Думитреску, Юлиан Габор, Бьянка Михэйлэ, Александра Мосор, Мъюара Паракив, Мария Стойческу.

**Тайвань:** Вань-Цзюй Ли, Тао-Юн Лу, По-Шун Хун, Юй-Минь Хуан, Бун-Ки Линь, Юй-Чиа Чэнь.

**Турция:** Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврен.

**Франция/Испания:** Лола Бусуттил.

**Япония:** Сатоми Ямamoto.



В последние годы во многих странах прокатились волны общественных движений и массовых демонстраций. **Протести и движения**, проявившие себя в уличных действиях, выдвигают различные требования и поднимают множество проблем, связанных с ростом антидемократических тенденций, последствиями неолиберализма и эффектами экономического и социального неравенства, порожденными рыночными отношениями. Этот симпозиум включает четыре статьи, обсуждающие конкретные формы протеста в Ливане, Ираке, Франции, Чили и Гонконге.



Этот раздел посвящен развитию **социологии на Филиппинах**. Члены Филиппинского социологического общества представляют результаты исследований урбанизации и управления, движение ЛГБТ, применение насилия в войне против наркотиков, социологию бедности и маргинализацию региона Минданао.



В этом номере «Глобальный диалог» начинает серию публикаций, посвященных значению и последствиям **пандемии COVID-19** в разных странах и регионах мира. В этом разделе три социолога представляют свое видение значения пандемии для общества и социологии.



«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту **SAGE Publications**.

# > В номере

|   |    |
|---|----|
| От редакторов   | 2  |
| <b>&gt; РАЗГОВОР О СОЦИОЛОГИИ</b>   |    |
| Конвивиалистский манифест: новая политическая идеология<br>Интервью с Аленом Кэйе |    |
| <b>Сари Ханафи, Ливан</b>   | 5  |
| <b>&gt; ПРОТЕСТЫ И ДВИЖЕНИЯ</b>   |    |
| Глобальное развитие и местные движения  |    |
| <b>Йоханна Грубнер, Австрия</b>   | 8  |
| Протесты в Гонконге, 2019–2020: неофукианский анализ                              |    |
| <b>Нгай-Лин Сум, Великобритания</b>   | 9  |
| Политика, основанная на опыте: «Жёлтые жилеты»                                    |    |
| <b>Михалис Лианос, Франция</b>  | 12 |
| Социальное возмущение против неравенства, порождённого неолиберализмом            |    |
| <b>Хорхе Рохас Эрнандес, Гунхильд Хансен-Рохас, Чили</b>                          | 15 |
| Интерпретация октябрьских восстаний в Ираке и Ливане                              |    |
| <b>Рима Маджед, Ливан</b>   | 18 |
| <b>&gt; ЦИФРОВОЙ КАПИТАЛИЗМ</b>   |    |
| Медиа и коммуникации в эпоху цифрового капитализма: критический анализ            |    |
| <b>Марлен ван дер Эккер, Себастиан Севиньяни, Германия</b>                        | 20 |
| Цифровая эксплуатация: связь коммуникации и оплачиваемого труда                   |    |
| <b>Марисоль Сандовал, Великобритания, Себастиан Севиньяни, Германия</b>           | 22 |
| Автоматизация капитализма   |    |
| <b>Марк Андреевич, Австралия</b>  | 25 |
| Темпоральность и формирование китайского цифрового рабочего класса                |    |
| <b>Джек Линчунь Цю, Гонконг</b>   | 27 |
| Соперничество между США и Китаем?   |    |
| Цифровые технологии и производство культуры                                       |    |
| <b>Таннер Миррлис, Канада</b>   | 29 |
| Свободный рынок свободной постсоциалистической печати?                            |    |
| <b>Мэнди Трёгер, Германия</b>   | 31 |
| <b>&gt; ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ</b>   |    |
| Информационно-компьютерные технологии как магия: африканское вдохновение          |    |
| <b>Фрэнсис Нямнджо, ЮАР</b>   | 33 |
| <b>&gt; СОЦИОЛОГИЯ С ФИЛИППИН</b>   |    |
| Как занимаются социологией на Филиппинах  |    |
| <b>Филомин К. Гутьеррес, Филиппины</b>  | 36 |
| Городские исследования на Филиппинах: социология как якорь                        |    |
| <b>Луи Бенедикт Р. Игнасио, Филиппины</b>   | 37 |
| Изучая конфликты сквозь призму квир-теории  |    |
| <b>Джон Эндрю Евангелиста, Филиппины</b>  | 39 |
| Противоречивые нарративы о войне с наркотиками на Филиппинах                      |    |
| <b>Филомин К. Гутьеррес, Филиппины</b>  | 41 |
| Достижения публичной социологии на Филиппинах                                     |    |
| <b>Фиби Зои Мария Санчес, Филиппины</b>   | 43 |
| Минданао – регион в фокусе филиппинской социологии                                |    |
| <b>Марио Джойо Агуджа, Филиппины</b>  | 45 |
| <b>&gt; COVID-19: ПАНДЕМИЯ И КРИЗИС</b>   |    |
| Глобальная социология в период пандемии   |    |
| <b>Джеффри Плейерс, Бельгия</b>   | 47 |
| COVID 19: первые уроки текущей пандемии   |    |
| <b>Клаус Дёрре, Германия</b>  | 49 |
| Социология в мире после коронавируса  |    |
| <b>Сари Ханафи, Ливан</b>   | 51 |
| <b>&gt; ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ</b>   |    |
| Гендеризированное городское пространство в Бангладеш                              |    |
| <b>Лутфун Нахар Лата, Австралия</b>   | 53 |
| Интернационализм трудящихся и свободная циркуляция капитала                       |    |
| <b>Ракель Варела, Португалия</b>  | 55 |
| Португалия в противостоянии с крайне правыми                                      |    |
| <b>Элизиу Эстанке, Португалия</b>   | 57 |

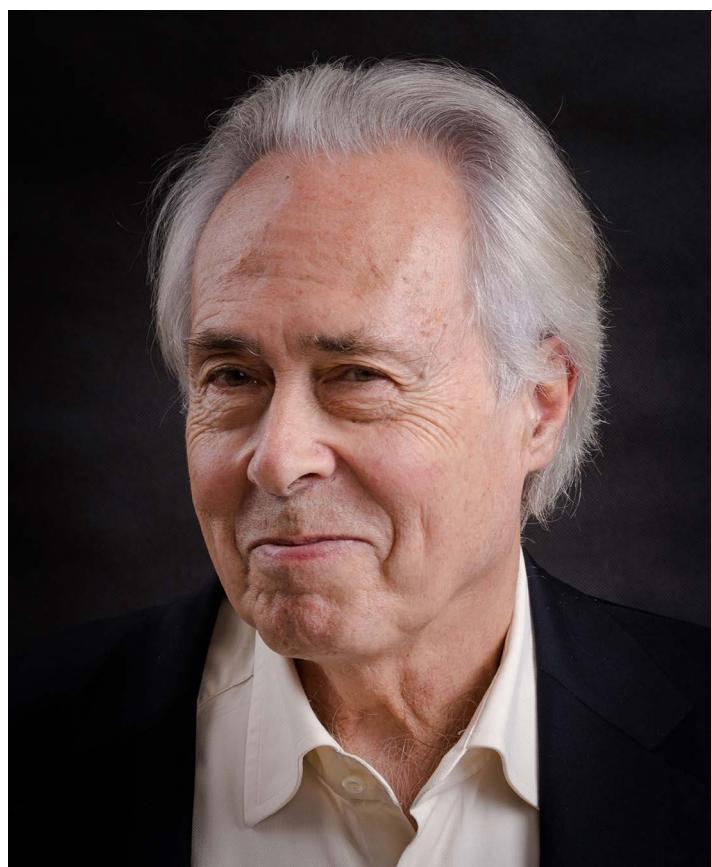
“ Молодёжь всё больше осознаёт неизбежность экологических рисков, но она не видит или не понимает отчётливо, что мы не сможем противостоять им, не ставя под сомнение гегемонию неолиберализма. Для того, чтобы противостоять неолиберализму, необходимо дать новую жизнь демократическому воображению”

Ален Кэйе

# > Конвивиалистский манифест

## Новая политическая идеология

### Интервью с Аленом Кэе



Ален Кэе – заслуженный профессор социологии Университета Западного Парижа – Нантер-ля-Дефанс и редактор журнала *La Revue du MAUSS* (Антиутилитаристское движение в социальных науках). Он известен радикальной критикой современной экономики и утилитаризма в общественных науках. Является автором *Convivialist Manifesto* [Конвивиалистского манифеста]. По случаю выхода второй версии манифеста (*Internationale convivialiste, Second Manifeste convivialiste. Pour un monde post-néolibéral*, февраль 2020 года) интервью провёл Сари Ханафи, президент Международной социологической ассоциации (МСА).

Ален Кэе. Фото предоставлено Аленом Кэе.

**СХ: Расскажите, пожалуйста, нашим читателям о Конвивиалистском манифесте.**

**АК:** Прежде чем говорить о его содержании, стоит отметить, что Второй Конвивиалистский манифест подписан почти тремястами интеллектуалами (экономистами, философами, социологами, общественными активистами) и деятелями культуры и искусства из тридцати трёх стран. Они образуют ядро своего рода Конвивиалистского интернационала (*Convivialist International* – название, которое выбрано для обозначения коллективного авторства Манифеста). Это союз совершенно неформален. У него нет офиса, организационной структуры и финансирования, если не считать небольшой волонтерской поддержки. При этом его члены активно распространяют

Манифест среди других интеллектуалов, активистов и творческих работников, что содействует решительному сдвигу в мировом общественном мнении. Уже несколько десятилетий мы живём, находясь под влиянием – под гегемонией, как сказал бы Грамши – неолиберальной идеологии, которая мешает нам вообразить мир, отличный от нашего, полностью подчиняющегося предписаниям рантье и спекулятивному капитализму. По самой своей сути такая гегемония порождает огромное неравенство, которое изо дня в день выхолащивает демократические идеалы. Молодежь всё меньше «верит» в эти идеалы. Они популярны лишь в странах, которые пытаются избавиться от своих диктаторов. Эта тенденция очевидно катастрофична. Демократия сейчас находится под угрозой практически во всём мире, как это было в

>>

Европе в 1930-х годах. При этом всё, что относится к сфере критического мышления, начиная с социологии, может исчезнуть.

#### **СХ: Почему неолиберальная идеология так сильна?**

**АК:** Она, конечно, поддерживается СМИ, гигантскими материальными, экономическими, финансовыми, военными, полицейскими, а иногда и криминальными ресурсами. Но есть и другой фактор, менее осознаваемый, но, тем не менее, существенный, который составляет суть конвивиализма: на сегодняшний день нет альтернативной идеологии, нет более или менее последовательного набора идей, концепций, теорий и ценностей, которые могли бы объединить всех, кто стремится к чему-то другому, нежели мир, управляемый исключительно финансовой и спекулятивной логикой. Мир, как нам известно, находится на пороге климатических и экологических катастроф. В богатых странах молодёжь всё больше осознаёт неизбежность экологических рисков, но она не видит или не понимает отчётливо, что мы не сможем противостоять им, не ставя под сомнение гегемонию неолиберализма. Для того, чтобы противостоять неолиберализму, необходимо дать новую жизнь демократическому выражению.

Идеально-типически неолиберальная идеология основывается на следующих шести положениях: 1) нет общества, есть только индивиды; 2) жадность – это хорошо; 3) чем богаче общество, тем оно лучше, потому что каждый индивид выигрывает от экономического эффекта просачивания богатства сверху вниз; 4) единственный желательный способ взаимодействия между людьми – это свободный рынок, включая саморегулируемый финансовый и спекулятивный рынок; 5) отсутствие ограничений для накопления – больше обязательно значит лучше; 6) отсутствие альтернативы. Что удивительно, так это то, что ни одно из этих положений не является достоверным ни теоретически, ни эмпирически. И всё же мы не знаем, что им противопоставить.

#### **СХ: Чем вы можете это объяснить?**

**АК:** Мы остаёмся бессильными перед лицом неолиберализма потому, что великие современные политические идеологии, наследниками которых мы являемся: либерализм, социализм, коммунизм, анархизм (и их различные сочетания), больше не способныправляться с проблемами, с которыми мы сталкиваемся сегодня. Для этого есть как минимум три причины: 1) все эти идеологии, по крайней мере, в их основных вариантах, базируются на предпосылке, согласно которой люди являются в первую очередь нуждающимися. Следовательно идеологическое противостояние вызвано дефицитом материальных ресурсов, что приводит к следующему выводу: первоочередная задача общества - производить ещё больше (товаров и благ); 2) это «решение» могло иметь смысл, пока природа казалась неисчерпаемой и доступной для бесконечной эксплуатации (пока мы не находились под угрозой векового застоя [состояния, когда в рыночной экономике наблюдается незначительный рост], который диагностируют многие экономисты). Теперь мы знаем,

что это не так; 3) воспринимая людей как нуждающихся существ, эти идеологии игнорируют тот факт, что есть одним источником конфликта, по крайней мере, таким же важным, как дефицит материальных ресурсов, является стремление к признанию. В результате старые идеологии оказались не способными сообщить нам что-либо о возможных способах существования различных культур и религий как в межстрановом, так и внутристрановом пространстве, не говоря уже об отношениях между мужчинами и женщинами.

Таким образом, термин «конвивиализм» можно рассматривать как минимум как пустой знак (эквивалент понятия «мана» по Леви-Строссу...), символизирующий надежду на новую политическую идеологию, согласно которой все, кто стремится создать пост-неолиберальный мир, могут узнать себя, вкладывая в этот термин свои чаяния и интересы.

#### **СХ: Но является ли термин «конвивиализм» наиболее удачным для обозначения новой политической идеологии?**

**АК:** Является ли слово релевантным? И действительно ли неолиберализм – это проблема? В английском и французском языках конвивиальность – это искусство хорошо поесть с друзьями и провести время вместе. Поэтому слово «конвивиальность» имеет слегка «приятную» коннотацию, что отталкивает некоторых наших потенциальных сторонников. Однако мы не могли бы придумать лучшего термина для философии совместной жизни (добрососедства), которая помогает нам задаться вопросом о том, как люди могут сотрудничать и как им следует сотрудничать, «находясь в противостоянии, но, не убивая друг друга» (как выразился Марсель Мосс). Действительно ли проблема современного общества заключается именно в этом? Некоторые учёные, отказавшиеся подписать Манифест, мотивировали свое решение тем, что ключевой проблемой сегодня является не гегемония неолиберализма, а рост популизма. Я считаю, что этот тренд на самом деле является результатом неолиберальной гегемонии, её оборотной стороной. Достаточно перечитать «Великую трансформацию» Карла Поланы, чтобы убедиться в этом.

#### **СХ: Каковы основные принципы конвивиализма?**

**АК:** «Конвивиализм» – это не только пустое означающее, символ надежды. Я радуюсь тому, что чрезвычайно различные по своим взглядам интеллектуалы – склонные к либеральным или социалистическим взглядам, с одной стороны; коммунисты или анархисты, с другой, не говоря уже о приверженцах различных религиозных традиций – могут договориться о пяти высших ценностях или принципах, которые я здесь только назову, но не буду подробно описывать: общность природы, общечеловеческая солидарность, общность социальности, легитимность индивидуации и творческой оппозиции («сотрудничество в условиях противостояния, не уничтожая друг друга»). Эти пять принципов формируют общее аксиологическое пространство, которое ограничивает область возможного легитимного политического выбора. Они уравновешивают друг друга. Но все они подчинены императиву, который

можно назвать категорическим: развитию навыков борьбы с чрезмерностью и гордыней. Человечеству осталось совсем немного времени, чтобы научиться контролировать свою склонность к гордыне. Возможно, приоритетная задача социологии – помочь ему в этом начинании.

**СХ: Ваша социология – это призыв к соединению социологии и моральной философии?**

**АК:** В целом – да. Я читаю работы великих классиков социологии, Маркса, Токвилля, Вебера, Дюркгейма и т. д., не иначе как тексты моральной и политической философии, хотя и довольно своеобразной. Это философы, которые, в отличие от Гоббса или Руссо (тех, кто сказал: «давайте отбросим все факты!»), обеспокоены фактами и их историчностью. Они также принимают во внимание антропологию. Как мы можем понять наше настоящее, не видя того, что остается в нём от прошлых социальных форм? Отсюда мой интерес к Марселю Моссу, который анализирует самоорганизацию ранних обществ, направленную на распределение признания пропорционально вкладу или участию членов общества в сфере обменов, которую феноменологическая традиция называет дарением. Для обозначения этой сферы самым известным является категория «мана». Именно благодаря этому измерению моральной философии мы до сих пор вступаем в диалог с классиками, и их работы до сих пор вызывают наш интерес. Социология, которая ограничивает себя стремлением устанавливать факты – бесконечная задача (какие факты? как? почему?) – исчерпает себя и обречена на ничтожность.

**СХ: Среди моральных предпринимателей есть религиозные авторитеты. Планируете ли вы дискуссию/сотрудничество с ними?**

**АК:** Я убеждён, что наш единственный шанс избежать бедствий – экологических, экономических, финансовых, социальных, политических и моральных, которые нам угрожают, – это глобальное осознание масштабов и актуальности рассматриваемых проблем. Несмотря на ущерб, нанесенный финансовыми и спекулятивными капитализмом, который сейчас доминирует (вы заметите, что я ничего не говорю о капитализме в целом...), мы должны преуспеть в мобилизации общественного мнения большинства в таком числе стран. Я не говорю, что это будет легко или что у нас есть большие шансы на успех, но очевидно, что у нас это не получится без поддержки религиозных авторитетов. Вот почему во Втором Манифесте цитируются довольно длинные отрывки из «Документа о человеческом братстве за мир во всем мире и совместную жизнь», подписанного 4 февраля 2019 года Папой Франциском от лица христиан и Великим Имамом аль-Азхара (Египет), Ахмад аль-Тайебом от лица мусульман. И я не вижу причин, по которым протестантские, буддийские, еврейские и другие моральные авторитеты не могли бы присоединиться к Манифесту. Возможно, нам следует постараться как можно быстрее создать нечто вроде Всемирной ассамблеи общечеловеческой солидарности, в которую войдут представители мирового гражданского общества, философии, так называемых «точных» наук, гуманитарного и

социального знания и различных этических, духовных и религиозных течений, которые узнают себя в принципах конвивиализма. Мне кажется, что МСА (Международная социологическая ассоциация) могла бы сыграть здесь первостепенную роль.

**СХ: Насколько тезисы этого Манифеста значимы для Глобального Юга? Проводится ли какое-либо исследование в этих странах по этому поводу?**

**АК:** Я бы ответил: и да, и нет. Да, потому что значительное число подписавших Манифест – выходцы из области, которую Вы называете Глобальным Югом, и потому, что ряд друзей с Юга связаны с конвивиалистской инициативой со времени первого Манифеста (2013). И нет, к сожалению, потому, что большая часть письменной и редакционной работы была сделана на Севере. Важным шагом сейчас является рецепция и обогащение конвивиалистской рефлексии Югом. Выполняются переводы на португальский и испанский языки (в дополнение к английскому, немецкому, итальянскому и японскому), и предполагается, что единомышленники доставят их в Аргентину, Бразилию, Мексику, а также, я надеюсь, в Индию, Африку и т. д. Перевод Манифеста на арабский язык был бы особенно важен по многим причинам. Но давайте перейдем к делу. Я бы сказал, что Второй Манифест закладывает основу для постнеолиберального консенсуса по важнейшим экологическим, экономическим и политическим вопросам. Это уже хорошо. Однако предстоит еще проделать большую работу, чтобы объединить все дискуссии, связанные с постколониальной, гендерной, субалтерной и культурной перспективами. В результате может появиться Третий Конвивиалистский манифест (которому тоже в конечном итоге потребуется обновление), или, по крайней мере, то, что мы могли бы назвать Дополнением к Конвивиалистским манифестам. И здесь вклад Юга будет совершенно незаменим.

**СХ: Вы оптимистично настроены в отношении распространения конвивиализма?**

**АК:** Мне кажется, что Второй Конвивиалистский манифест закладывает основы политической философии, в которой мы сейчас действительно нуждаемся. Но политическая философия не делает политику. Чтобы пойти дальше, теперь «политическим предпринимателям» необходимо овладеть ею и показать в каждой стране на деле, что практически все (рядовые наёмные работники, работники с нестабильной занятостью, мелкие торговцы или предприниматели, сегрегированное население и др.) выиграют от конвивиализма. Если во всех этих социальных категориях всё больше людей начнут думать про себя и говорить друг другу: «Я конвивиалист», тогда у нас будет шанс избежать тех бедствий, которые нас ожидают. ■

**СХ: Спасибо, Ален. Я искренне желаю успеха Конвивиалистскому Манифесту!**

Адреса для связи:  
Ален Кэй <[alaincaille90@gmail.com](mailto:alaincaille90@gmail.com)>  
Сари Ханафи <[sh41@aub.edu.lb](mailto:sh41@aub.edu.lb)>

# > Глобальное развитие и местные движения

**Йоханна Грубнер**, Университет Иоганна Кеплера, Австрия, заместитель редактора «Глобального диалога»

**Д**о начала пандемии COVID-19 и введения во многих странах ограничений на передвижение, а также права на проведение собраний и митингов, мир стал свидетелем роста социальных протестов, который выражался в массовых маршах и демонстрациях. Требования уличных протестов были разнообразными. В этом разделе журнала мы предлагаем вниманию читателей пять статей, посвященных протестам в Ливане, Ираке, Франции, Чили и Гонконге.

Раздел открывается статьей Нгай-Лин Сум, которая анализирует уличные протесты в Гонконге, развернувшиеся в июне 2019 года. Сум рассматривает протест с позиции неофукианского подхода и показывает, какие формы он приобретает в нелиберальных авторитарных условиях, как возникает социальное движение, как разгорается борьба, вызванная усилением государственного контроля и полицейского насилия. Исследовательница показывает, как аффирмативная биополитика протестующих на переднем крае борьбы достигает кульминации, защищая жизни от смертельной угрозы.

В ноябре 2018 года по Франции прокатилась волна протеста Желтых Жилетов и возникли новые структура и практики общественного движения. В статье Михалиса Лианоса анализируется эта спонтанная и внепартийная форма движения, которая бросает вызов социологиче-

скому осмыслиению организации, архитектуры и успешности коллективного политического действия и его рефлексивности.

После сорока лет неолиберальной политики и протестов в октябре 2018 года в Чили возникло новое массовое творческое общественное движение, порожденное эмансипационным общественным сознанием, сформированным у граждан этой страны. Хорхе Рохас Фернандес и Гунхильд Хансен-Рохас описывают социальный кризис, порожденный неолиберализмом, уникальные исторические возможности, которые открываются перед чилийцами, и социальные протесты, которые привели к созыву референдума о создании новой конституции страны.

Завершает нашу подборку статья Римы Маджед, посвященная народным возмущениям в Ираке и Ливане октября 2019 года. Маджед рассматривает эти протесты в терминах революционного процесса, который возникает в условиях режима консоциативной демократии. В поисках утраченного чувства «мы» социальные акторы объединяют свои усилия вокруг требования социально-экономической справедливости и отрицают политическую систему совместного управления, осуществляемого представителями различных секторов ливанского и иранского общества (*sectarian power-sharing*). ■

# > Протесты в Гонконге, 2019–2020: неофукианский анализ

Нгай-Лин Сум, Ланкастерский университет, Великобритания



| Демонстранты защищаются от слезоточивого газа. Гонконг, 2019. Фото: Джо Ли.

**И**юньские протесты 2019 года в Гонконге были вызваны законопроектом об экстрадиции, который в случае принятия позволил бы властям депатрировать жителей Гонконга в Большой Китай для уголовного преследования в соответствии с законами (и незаконными практиками) этой страны. Этот законопроект породил опасения, что Гонконг утратит «высокую степень автономии», обеспеченную в рамках концепции «одна страна: две общественно-политические системы». Реализация такой концепции гарантировалась совместной китайско-британской декларацией 1984 года и основным Законом КНР 1990 года. Согласно этим документам, Гонконг с 1997 года является частью Китая со статусом особого административного региона (ОАР). Гонконг наделен исполнительным и легислативным суверенитетом, независимым судопроизводством и обладает правом назначать собственного верховного правителя, утверждаемого центральным правительством на основе местных выборов или консультаций.

Страх утратить автономию усиливается в Гонконге с 2003 года, когда Большой Китай стал усиливать полити-

ку влияния в регионе. Примером усиления влияния КНР является введение ряда прокитайских законов, таких как 23 статья Закона против подрывной деятельности (принят в 2003 г.) и Закон о национальном китайском гимне (принят в 2019 году). Эти изменения сопровождаются свертыванием ряда демократических элементов управления территорией, например, отказом от прямых выборов верховного правительства (2015 г.) и дисквалификацией шести продемократических представителей легислатуры (2017 г.). Такое постепенное подключение Гонконга к жизни по правилам и законам КНР стало еще более очевидным в ходе ускоренного рассмотрения законопроекта об экстрадиции (2019 г.). Правительство ОАР при поддержке правительства КНР даже пренебрело обычной для таких процедур стадией работы комиссии по законодательству и направило законопроект для одобрения прямо в прокитайскую легислатуру. В ответ на такую срочность 8 июня 1 млн человек приняло участие в мирном марше протеста, а 16 июня таких участников стало уже 2 млн. Протесты стали регулярными. Реакция властей была запаздывающей. Полиция жестоко преследовала демонстрантов. Протестующие выдвинули

&gt;&gt;

пять требований: отозвать законопроект об экстрадиции; прекратить представлять демонстрантов как восставших и подрывников, объявить амнистию для всех арестованных участников протеста, провести независимое расследование жестокости полицейских в отношении демонстрантов; гарантировать всеобщее избирательное право для избрания Верховного Правителя и Законодательного Совета. Законопроект был в конечном итоге отозван 4 сентября 2019 года. Однако из-за продолжающегося полицейского произвола и отказа Верховного Правителя удовлетворить остальные требования протестующих сопротивление переросло в устойчивое общественное движение.

Я рассматриваю этот протест в неофицианской перспективе, которая фокусирует внимание на биополитике суверена, управляющего жизнью и смертью. Фуко показывает, что суверен наделяет себя правом управлять территорией и проводит биополитику жизни и смерти, чтобы обеспечить свою безопасность. Степени власти суверена различаются в различных современных обществах. Биополитика власти наиболее явно проявляется в нелиберальных авторитарных контекстах. С расцветом жизни по образцу единого Китая, Гонконг стал управляться совместно собственной администрацией и однопартийным режимом КНР под лозунгами поддержания стабильности и безопасности в регионе. Протестующие граждане Гонконга являются маргиналами этого авторитарного со-управления и имеют мало возможности для маневра. Биополитика сопротивления, которой они следуют, предполагает, что активисты переднего края борьбы превращают свою жизнь в оружие и, тем самым, подвергают себя смертельной угрозе. Их тыловые сторонники защищают жизнь протестующих от угрозы смерти.

#### > Биополитика протesta: превращение своей жизни в (почти) смертельное оружие

Насаждение режима Единого суверенного Большого Китая в Гонконге и ответные протесты 2019 года усиливает роль биополитики, которая выполняет три задачи: а) ослабление уличных протестов; б) насаждение страха преследований и судебных разбирательств; в) причинение физической боли средствами избыточного насилия. После того, как правительство КНР выступило с осуждением протестующих, называя их «фактически террористами» и Главный Правитель Гонконга оставил без ответа пять требований (см. табл. 1), протестующие перешли от мирных способов борьбы к использованию насилиственных действий (см. табл. 2). Полиция при поддержке правителя Гонконга также стала применять больше насилия, используя против протестующих слезоточивый газ,

Таблица 2. Мирные и силовые формы протеста

| Формы протеста | Примеры   |
|----------------|---|
| Мирные формы   | Демонстрации, цепочки участников, песни протеста/общественные собрания, плакаты и скульптуры, «стена/туннель Леннона», международная правозащита и пр.  |
| Силовые формы  | Разбрызгивание аэрозолей, лазерные факелы, уличная борьба, зажигательные бомбы, баррикады, публичные/приватные оскорблении, забрасывание камнями, уничтожение прокитайской рекламы, блокада университетов и пр. |

массовые аресты, жестокие избиения, химическую водянную пушку и даже огнестрельное оружие. Полицейские выставили заграждения и публично называли протестующих «тараканами», которых необходимо истребить, чтобы поддержать безопасность страны. Такая динамика породила действия по сценарию «применение насилия порождает большее насилие». При этом протестующие стали испытывать страх за свое личное существование и за успех общего дела, а также чувство безнадежности.

#### > Аффirmативная биополитика: защита жизни от угрозы смерти

Биополитика протестующих направлена на защиту жизни. Участники Зонтичного движения 2014 года хорошо знают, что именно лидеры являются основными мишениями полицейского преследования и им грозит тюремное заключение. Прошлый опыт привел к тому, что нынешний протест развивается без формального лидера. Движение развивает стратегию действий без лидера и использует диффузные тактики взаимопомощи и принцип «be water» («стань водой» – тактика преодоления страха, популяризированная мастером кунг-фу Брюсом Ли – прим. ред.). Такие тактики стали возможными благодаря использованию таких интернет приложений, как Telegram и Airdrop, которые позволяют делиться информацией и координировать совместные действия и принятие решений.

Движение финансируется с помощью облачного краудфандинга и усиливается группами взаимопомощи, которые включают людей самой разной профессиональной, поколенческой, гендерной и расовой принадлежности. Эти группы поддержки митингуют и организуют демонстрации в защиту жизни борцов за автономию Гонконга. Примером такой мобилизации является кампания «Заштитим наших детей!», которую инициировали «седовласые» – граждане старшего возраста, стремящиеся под-

Таблица 1. Пять требований протестующих, 2019 г.

|   |
|---|
| Отозвать законопроект об экстрадиции  |
| Прекратить представлять демонстрантов как «бунтовщиков»   |
| Объявить амнистию арестованным участникам протестов   |
| Провести независимое расследование жестокости полиции   |
| Гарантировать всеобщее избирательное право для выборов Законодательного совета и главы Гонконга |

&gt;&gt;



Массовая демонстрация в Гонконге в 2019 г. Фото: Вирджиния Пак.

держать молодых активистов, борющихся на переднем крае. Некоторые протестующие организуют живые щиты между спецназом и борцами переднего края, другие организуют пикеты под лозунгами «Не расстреливайте наших детей!». Такие действия в защиту жизни также поддерживаются биополитическими цепочками снабжения, которые обеспечивают участников финансовой поддержкой, пищей, водой, масками (для защиты идентичности и безопасности), зонтиками, охраной личных данных, бесплатными транспортными средствами, медицинской помощью, социальными сервисами, правовой поддержкой, и открывают свои дома, превращая их в убежища для борцов сопротивления.

Другие формы аффирмативной биополитики включают: а) строительство живой цепи, протянувшейся на 30 миль по обе стороны порта Гонконга, символизирующую стремление к свободе; б) организацию публичных траурных мероприятий оплакивания погибших с целью поддержания общего духа и комитмента; в) запись новых песен протesta, таких как «Да здравствует Гонконг», призванных поднять дух и укрепить солидарность участников движения; г) создание новых профсоюзов и избирательной поддержки для консолидации энергии уличных протестов. Аналогичные практики поддержания жизни движения используются в других странах и районах страны. Сторонники протesta получают поддержку диаспоры, организующей правозащитные кампании и акции народной дипломатии, которые мобилизуют местные сооб-

щества, национальные легислатуры, глобальные медиа и международные организации под лозунгами «Поддержим Гонконг».

### > Заключение

В этой статье я развиваю неофукианский подход к анализу гонконгских протестов 2019–2020 годов. Протест развивается в авторитарных нелиберальных условиях совместного управления страной властями Гонконга и однопартийного режима Большого Китая. Чтобы осмыслить этот процесс важно использовать понятие биополитики власти. Этот подход позволяет увидеть, как события 2019 года форматировали протест. Разворачивание политики «Единого Китая» в Гонконге сопровождается борьбой некоторых граждан двухсистемного государства против посягательств на «высокую степень автономии». Борьба за сохранение режима «Одна страна – две системы» сопровождается усилением контроля со стороны суверена, непропорциональным использованием политического насилия. На эти действия протестующие отвечают инсургентной биополитикой жизни и смерти, которая существует с биополитическими акциями поддержки сторонников. ■

Адрес для связи: Нгай-Лин Сум <[n.sum@lancaster.ac.uk](mailto:n.sum@lancaster.ac.uk)>

#### Благодарность автора:

Выражают благодарность Бригитте Ауленбахер, Бобу Джессопу, Вирджинии Пак, Джо Ли и Ланкастерской группе поддержки Гонконга за помощь в подготовке статьи и предоставление фотографий.

# > Политика, основанная на опыте: «Жёлтые жилеты»<sup>1</sup>

Михалис Лианос, Руанский университет, Франция



| Полицейское присутствие на демонстрациях в Париже. 2019 год. Фото: Михалис Лианос.

**Ж**ёлтые жилеты оказались полной неожиданностью. Французское общество совершенно не подозревало о возможном потенциале этого движения. Всем хорошо известно, что политические институции и СМИ смешали их с грязью. Это неудивительно, поскольку в целом представители низших классов рассматриваются как инертные и тупые люди, занимающие социальное место между сегрегированным расовыми меньшинствами и различными слоями среднего класса. Удивительно вот что. Это спонтанное внепартийное движение смогло пробиться сквозь устоявшуюся институциональную архитектуру политической стратификации постиндустриального общества. Такой эффект, несомненно, связан с редким сочетанием обстоятельств. Новая политическая партия (*«La République En Marche»*) выиграла президентские и парламентские выборы во Франции, президентом стал человек, который никогда до этого не

занимал ни одной политической должности. Надежды на улучшение были высоки, но столь же сильным было разочарование.

Движение возникло на национальной сцене 17 ноября 2018 года. Через две недели новостные заголовки во всём мире писали о нём. В это время происходила поразительная трансформация. Начав с требований, связанных с налогом на топливо, «Жёлтые жилеты» быстро изменили повестку и перешли к критике всей политической архитектуры современного общества. Они выступили с требованиями истеблишмента референдума, инициированного гражданами как инструмента, позволяющего народу получить полный контроль важных решений во всех сферах управления. В то же время они считают себя «народом», от которого ожидается молчаливое существование на грани бедности и который подвергается унижениям и оскорблением со стороны

&gt;&gt;



Участник протеста выражает свою позицию. Париж, 2019 г. Фото: Михалис Лианос.

«элит», хотя на самом деле являются сердцем французского общества. Это чувство социальной легитимности усиливалось тем обстоятельством, что движение представляет себя как «аполитическое» «пацифистское», поскольку большинство из его сторонников никогда не участвовало до сих пор в демонстрациях и испытывало безразличие или враждебность в отношении политических партий. Соответственно, «Жёлтые жилеты» были оскорблены и потрясены, когда столкнулись с полицейским насилием, поскольку считали себя законопослушными гражданами, которые впервые в жизни воспользовались своим правом на протест.

«Жёлтые жилеты» – это не только значимое протестное движение. Они инициировали несколько инноваций в развитии структуры и практики протеста. Некоторые аспекты их деятельности ставят под сомнение устоявшиеся представления о природе, организации и успехе коллективного политического действия. Ниже я кратко представлю пять взаимосвязанных инноваций, которые представляют социологический интерес.

## 1. Отрицание связей с политическими партиями и конституированными движениями

Наиболее впечатляющей характеристикой движения является его спонтанность. Участников движения не объединяет никакая политическая теория или идеология. У них даже нет общего видения политической ситуации. Однако они инстинктивно чувствуют, что все действующие структуры политического форматирования не заслуживают доверия. Каждый, кто стремится к власти или занимает властную позицию, с их точки зрения, коррумпирован или, в лучшем случае, прежде всего, заинтересован в продвижении своих собственных интересов, а не интересов «народа». Такая позиция не означает, что движение склонно к «популизму». Напротив ЖЖ отрицательно относятся не только к авторитаризму, но и к иерархии внутри движения. Почти сразу они превратились в узкое сообщество, подобие «семьи» (как они часто себя называют), объединяющей личностей, которые ревниво охраняют свое право выносить индивидуальные решения по любому поводу. Они спонтанно избегают любых социально-политических платформ и рамок.

## 2. Идеологический плюрализм

Общественные движения известны своим стремлением к идеологической гомогенности. Хотя противоречия и напряженность характерны для всех движений, однако считается само собой разумеющимся, что эти напряжения вызваны стремлением контролировать общую для всех интерпретативную рамку или идеологию, которая определяет последующие действия. «Жёлтые жилеты» – яркое исключение из этого правила гомогенности. Движение основывает свои требования на множестве предпосылок. Этот плюрализм стал возможным благодаря тому, что они решительно отстранились от партийной политики и спонтанно признали принцип сосуществования в различии, несмотря на существенные разногласия по конкретным вопросам. Их объяснения определялись конкретным опытом. Все они оказались в «одной куче мусора». Их сближает объективное сходство обстоятельств, с которыми они столкнулись в своей жизни и желание их изменить. Участники «Жёлтых жилетов» по-разному объясняли эти конкретные сочетания обстоятельства, но выражали уверенность, что все они были порождены системой, где власть имущие недостаточно уважают «народ» и не обеспечивают его достойными условиями жизни.

## 3. Нейронный принцип архитектуры и автономии

Движение самоорганизуется вокруг частично пересекающихся по составу групп, которые действуют онлайн или в физическом пространстве. Каждый участник вовлекается в дискуссии и дебаты, посещает собрания и протестные действия, присоединяясь к одной или нескольким онлайн-группам или сходкам (*roundabouts*). Такая нервная система, распространившаяся почти на всю Францию (включая отдаленные колонии), стала существенной характеристикой «Жёлтых жилетов».

&gt;&gt;

Присущее движению сохранение индивидуальной автономии, поддерживается интернетом и находит выражение в предпочтении такой формы встречи представителей сообщества как сходка. Автономия узлов гарантирует горизонтальную структуру сообщества, при которой власть принадлежит лишь целостной сети. В движении нет разделения на верхушку и рядовых участников, выполняющих её решения.

## 4. Прямая демократия

Такие характеристики «Жёлтых жилетов» стали символическим основанием организации политического устройства, в рамках которого постоянное и равное участие каждого является предпосылкой включенности, а не утопической целью. Поразительным образом движение скромно образованных представителей низших классов, впервые участвующих в протестах, сразу же заявило, что репрезентативная система участия и принятия решений является устаревшей и опасной. Они использовали два мощных инструмента, чтобы выразить это убеждение. Во-первых, они, не допускали представительства движения в различных инстанциях. Они лишь от случая к случаю выбирали спикеров на сходках, несмотря на то, что все политические институты оказывали на них давление, убеждая выдвинуть постоянных представителей. Никто не имел права выступать от имени «Жёлтых жилетов», а всякая такая попытка считалась предательством общего дела. Во-вторых, они заявили, что вся политическая структура современных обществ должна быть изменена. Они требуют проведения гражданских референдумов по каждому серьезному поводу. Они считают, что решать должен «народ», а дело «элит» – выполнять эти решения.

## 5. Терпимое отношение к неопределенности

Сегодня (23 февраля 2020 г.) идет шестьдесят седьмая неделя протesta «Жёлтых жилетов». Без сомнения, это самое длительное движение, выдвигающее общеполитические требования, последних лет. «Жёлтые жилеты» никогда не ориентировались на конкретную утопию и не следовали разработанному политическому плану. Наоборот, движение оставалось открытым к плюралистическим приоритетам и идеям участников и потому достигло беспрецедентного уровня коллективной рефлексивности. «Жёлтые жилеты» фокусировались на продвижении идеи целостного политического изменения, а не на получении доли власти в существующей системе. Именно поэтому они не возражали против неопределенности результатов своей деятельности. Когда я задавал участникам вопрос о том, каких результатов они ожидают, то слышал следующий ответ: «Мы должны продолжать борьбу. Посмотрим, что из этого выйдет».

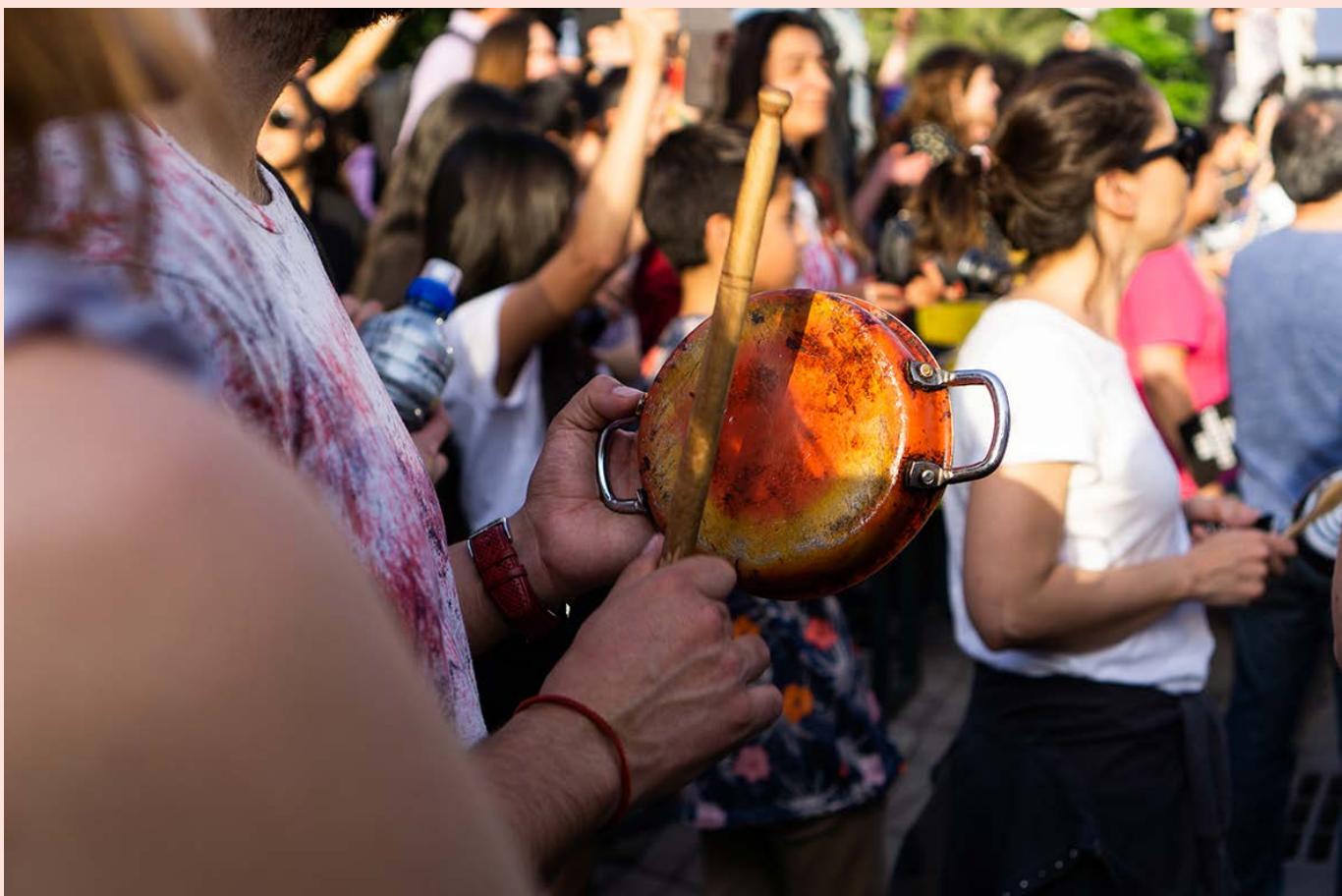
Собрания, марши и протесты «Жёлтых жилетов» продолжаются в различных городах Франции, хотя становятся менее многочисленными. Каковы же долгосрочные последствия этого движения? Во всяком случае, можно прийти к следующему заключению. «Жёлтые жилеты» показали, что возможен новый уровень коллективной политической рефлексивности. Они установили новую связь между личным опытом, сообществом и политическим устройством как прообразом крупномасштабной прямой демократии. ■

1. Эта статья основана на масштабном эмпирическом исследовании, которое ведется с самого начала мобилизации «Жёлтых жилетов». Подробнее см. [здесь](#), [здесь](#) и [здесь](#).

Адрес для связи: Михалис Лианос <[michalis.lianos@univ-rouen.fr](mailto:michalis.lianos@univ-rouen.fr)>

# > Социальное возмущение против неравенства, порождённого неолиберализмом

**Хорхе Рохас Эрнандес**, Центр изучения водных ресурсов в сельско-хозяйственной и горнодобывающей отраслях (CRHIAM), Чили, **Гунхильд Хансен-Рохас**, Университет Консепсьона, Чили



Протестующие стучат кастрюлями и сковородами, привлекая внимание. Чили. Фото: Диего Корреа/flickr.com. Некоторые права сохранены.

**С**егодняшние социальные протесты в Чили (*estallido social*) сопровождаются творческим самовыражением в виде фресок, граффити, музыки, поэзии и коллективных дебатов. Таким образом, исторически накопившееся недовольство чилийцев породило новую эстетику протеста. Десятилетия неудовлетворенности, социальных притеснений, дискриминации и социальной несправедливости выражаются в лозунгах протеста. «Страна пробудилась!», «Будем бороться до тех пор, пока уважение человеческого достоинства не станет общим правилом!», «Чили похоронит неолиберализм!», «Я больше не боюсь!», «Мы больше не потерпим притеснений!», «Долой частные пенсионные фонды!», «Рынок не защищает социальные права!», «Мы не на войне!», «Требуем новой Конституции!», «Нет политическим соглашениям без участия женщин!», «Нам нужна новая демократия!», «Бесплатное образование для всех!», «Мы выступаем за право на бесплатное водоснабжение!»,

&gt;&gt;

«Больше всего я боюсь того, что все останется по-прежнему!», «Нормальность – это проблема!», «За право жить в мире!». Эти лозунги объединяют разные группы протестующих.

## > Болезненное пробуждение

18 октября 2019 года в Чили начались изменения. Накопившийся гнев вылился в массовые акции и преобразился в творческую энергию. Сегодня после четырех месяцев непрерывных протестов, мы чувствуем в обществе новый необратимый республиканский дух. После сорока лет превалирования меркантилистской нерегулируемой неолиберальной модели чилийцы осознали ее негативные последствия: рост социального неравенства, приватизация базовых социальных услуг, пенсий, образования, медицинского обслуживания и использования природных ресурсов. Более четырехсот человек стали жертвами насилия. Среди них потерявшее зрение из-за использования полицией огнестрельного оружия, изнасилованные женщины. Было произведено несколько тысяч беспорядочных арестов; к задержанным применялись пытки. Комиссар по правам человека ООН и представители других международных организаций подтвердили массовое нарушение прав человека и призвали чилийское правительство реагировать на этот произвол.

Наблюдаемое нами пробуждение чилийского общества не является спонтанным. Оно стало результатом сложного процесса, выросшего из негативного опыта и социального недовольства. Через сорок лет неолиберальная система истощила свой потенциал. Разразился кризис, обнаживший невосполнимый ущерб, который стране трудно будет восполнить. Протесты и новые потоки информации породили новое эмансипаторное сознание чилийского общества.

## > Социальное и экологическое неравенство и социальные движения

Социальные и структурные неравенства в Чили росли быстрее, чем обещания рынка: низкие зарплаты, негуманные пенсии, приватизация системы образования и здравоохранения и следующие за ними резкий подъем цен на услуги, прекарность занятости, высочайшие цены на основные приватизированные услуги, на жилье, и колossalная концентрация богатства. Кроме того, молодые люди испытывают сложности в поисках работы, наблюдается дискриминация в отношении женщин на рынке труда, а права коренных народов все еще не получают признания. Дополнительные проблемы обеспечения основных услуг порождены недостаточным публичным участием, проблемами окружающей среды и изменения климата, истощением водных и других природных ресурсов.

Политики приватизации и индивидуализации приводят к утрате смысла деятельности и чувству неопределенности в отношении будущего. Результатом таких настроений является возникновение новых социальных движений. В 2001 году сформировалось влиятельное массовое студенческое движение, требующее бесплатного выс-

шего образования. В 2006 году студенческое движение выступило с требованиями совершенствования системы образования. Эта мобилизация получила название «протеста пингвинов». Оба движения получили широкую поддержку населения. В 2018 году на сцене появилось движение *No+APF*, выступающее против приватизированной пенсионной системы. Этнические движения (особенно представители народности Мапуче) требуют закрепления своего статуса в Конституции страны, возвращения исконных земель и выступают в защиту большей автономии для меньшинств. Возникли новые экологические и протестные движения, борющиеся против мегапроектов, наносящих ущерб экосистемам и их обитателям. Мегапроект в Патагонии *Hydro-Aysen* стал наиболее известным символом этого движения. Кроме того акции гражданского протesta в защиту окружающей среды прокатились по так называемым заброшенным промзонам (*zonas de sacrificio*), которые стали очагами загрязнения и роста заболеваемости, вызванными плотностью размещения промышленных объектов. К таким поселениям относятся Кинтеро, Пучункави и Коронел. 2019 год стал годом мобилизации женщин против сексуальных притеснений и за гендерное равенство. Эти примеры показывают, что чилийское общество постепенно осознает темные стороны той прославляемой экономической модели, которой оно следовало в течение сорока лет, и начинает самоорганизацию снизу.

## > Социальные реформы и социальный контракт (пакт)

В этой ситуации стране необходимы глубокие социальные реформы, способствующие созданию государства благосостояния, которое компенсирует существующие дефициты, и сможет удовлетворить требования протестующих. Ассоциация социальных организаций (*Mesa de Unidad Social*) выступила с требованием разработки условий социального пакта, который предполагает активное участие гражданского общества под лозунгом «Нет социальной справедливости – нет мира!». 22 декабря 2019 года большинство чилийских муниципалитетов провело массовый опрос о самых насущных проблемах населения. Исследование называлось «Успешный гражданин». В исследовании приняло участие более 2,5 млн чилийцев. Результаты опроса показали следующее: 91,3% выступают за новую конституцию страны; 89,9% собираются принять участие в референдуме в апреле 2020; подавляющее большинство поддерживает демократические выборы Учредительного Собрания. Результаты референдума позволили выделить следующие приоритеты населения. Во-первых, люди требуют более высоких пенсий, во-вторых – улучшения системы здравоохранения; в-третьих – гарантированный допуск к улучшенной публичной системе образования. Социальный пакт, таким образом, должен стать существенным условием разрешения разразившегося в последние годы кризиса неолиберальной модели.

Эти социальные права гарантировалось демократическими режимами второй половины XX века, но они были разрушены глобальными неолиберальными стратегиями. Как показывают современные глобальные тен-

денции и обсуждения, гражданское общество выступает за то, чтобы исторические достижения социальных государств двадцатого века быть восстановлены в XXI веке. Гарантии предоставления социальных прав должны быть интегрированы в современную политику, чтобы гарантировать качество жизни населения, противостоять правому популизму и обеспечить развитие стран.

## > Кризис легитимности государства и политических партий

Социальный кризис обнажил слабость государства, созданного неолиберализмом. Неолиберализм всегда призывал к минимизации государственного вмешательства, к приватизации и индивидуализации социальной жизни. Сегодня мы в полной мере ощущаем опустошающие последствия этой доктрины. Консервативное правительство Чили на массовые протесты реагирует насилием, объявляет режим чрезвычайной ситуации, применяет политику массовых репрессий, не проводя четких различий между широкими демократическими мирными гражданскими протестами и деструктивным насилием, которое осуществляют небольшие разобщенные группы.

В этом контексте в декабре 2019 года *Centro de Estudios Pùblicos* опубликовал следующие результаты опроса, отображающие степень доверия чилийцев к институциям. Всего 5% населения выражают доверие правительству; 3% граждан отмечают, что они доверяют парламенту; 2% выражают доверие политическим партиям, а 8% – судебной системе. Большая часть населения отвергает насилие как форму протеста, в том числе и полицейское насилие; 67% призывают к принятию новой Конституции, 56% утверждают, что новая Конституция станет важным инструментом решения социальных проблем чилийского общества; 87% поддерживают лидеров, способных к ведению социального и политического диалога и достижению консенсуса. Согласно опросу, правительство должно срочно обратиться к решению следу-

ющих социальных проблем: 64% требуют роста пенсий, 46% отметили проблемы в сфере здравоохранения, а 38% – в сфере образования. Данные подтверждают легитимность демократии как политической системы.

## > За новую конституцию и обновленную демократию

15 ноября 2019 года сильные и долгосрочные социальные протесты привели к тому, что правительство и оппозиция договорились о созыве референдума 25 октября 2020 года по вопросу о необходимости принятия новой конституции. Представители различных институтов будут выбраны 11 апреля 2021 года и должны отвечать трем критериям: соблюдение баланса между мужчинами и женщинами, представительство членов политических партий и беспартийных граждан, представительство коренных национальных меньшинств.

В настоящее время перед Чили открывается уникальная историческая возможность мирного демократического решения политических и социальных проблем при участии всех социальных акторов. Именно такие возможности предоставляет плебисцит и ассоциированные с ним стратегии будущего. Однако на пути такого оптимистического сценария есть одно потенциальное препятствие – сопротивление консерваторов. Консервативный политический сектор отказывается от поддержки процесса разработки и принятия новой Конституции, противодействует модернизации социальных институтов и пенсионной системы, систем здравоохранения и образования и таким образом стремится сохранить существующие структуры власти и рынка. Будем надеяться, что требования гражданского движения будут в конечном итоге удовлетворены в ходе мирного демократического процесса и благодаря проведению успешного плебисцита, в котором примут участие все секторы общества. ■

Адреса для связи:  
Хорхе Рохас Эрнандес <[jrojas@udec.cl](mailto:jrojas@udec.cl)>  
Гунхильд Хансен-Рохас <[hansen-rojas@udec.cl](mailto:hansen-rojas@udec.cl)>

# > Интерпретация

## октябрьских восстаний в Ираке и Ливане

**Рима Маджед**, Американский университет в Бейруте, Ливан; член ИК МСА по исследованию вооруженных сил и разрешению конфликтов (ИК01); по исследованию расизма, национализма, индигенности и этичности (ИК05); Политическая социология (ИК18); Женщины, гендер и общество (ИК32); Социальные классы и социальные движения (ИК47); Общественные движения, коллективное действие и социальные изменения (ИК48)



Демонстрация в Бейруте во время  
Октябрьского восстания в Ираке. 2019 г.  
Источник: Wikimedia Creative Commons.

**В** октябре 2019 года в Ираке и Ливане возникло массовое протестное движение, которое подобно пожару распространилось в обеих странах и повлияло на тысячи, если не на миллионы, граждан этих стран. Протестующие выступали против безработицы, поднимали вопросы несправедливости системы налогообложения, широкого распространения коррупции, нехватки базовых социальных услуг – воды и электричества, а также плохого управления (*bad governance*). Хотя уличные протесты не впервые обращались к этим социальным проблемам, октябрьские протесты существенно отличались от предшествующих возмущений по своему размаху и охвату. В Ливане и Ираке эти народные возмущения вскоре получили название «революций», обозначая, таким образом, решительный разрыв с предыдущими волнами мобилизации в обеих странах (2011 и 2015 годов).

Отметим, что эти возмущения не подпадают под традиционное определение «революции», которое встречается в литературе, посвященной общественным движениям, поскольку они не ставят перед собой цель свержения режима как такового. Однако мы полагаем, что важно осмыслить их в категориях революционного процесса, а не революционного события, которое может быть успешным или потерпеть поражение. На самом деле октябрьские возмущения последовали за десятилетием цикличной мобилизации в обеих странах. В обеих странах 2015 год стал поворотным пунктом для движения, которое начало выступать с социально-экономическими требованиями, отодвинув за задний план политику иден-

тичности. Более того эти революционные «социальные взрывы» произошли в контексте «второй волны арабских возмущений», которая началась в конце 2018 года в Судане и Алжире и привела к отстранению от власти двух диктаторов.

Я считаю, что иракский и ливанский протесты заслуживают сравнения, поскольку они происходят в странах, которые по своему сходному политическому устройству отличаются от других стран Арабского региона (с 2011 года). Революции в Арабском мире всегда происходили в странах с авторитарными режимами или в монархиях. Ирак и Ливан, напротив, являются особыми случаями, где возмущения покушаются на политическую систему, называющуюся консолидативной демократией. Такой режим представляет собой политическое устройство, при котором власть разделяют между собой представители нескольких социальных сил, основанных на идентичности (религиозной и этнической). У такого режима несколько голов, которые хотят свергнуть протестующие. Эта особенность политического устройства, а также неолиберализм, сектарский клиентелизм (*мухасаса*) и наследие гражданских войн, затрудняет анализ этих возмущений.

### > Сектаризм vs. национализм: есть ли точки пересечения?

С октября 2019 года главные площади Ливана и Ирака заполняются протестующими, которые выступают под национальными флагами и исполняют в ходе протестных

&gt;&gt;

акций национальные гимны своих стран. Такие действия демонстрируют неприятие религиозных и этнических разделений, на основе которых организована политическая система. Эти действия подчеркивали, что сосуществование и национальное единство должны возобладать над различием. Однако зададимся вопросом: всегда ли национализм является противоположностью сектарианизму?

Исследования сектарианизма и национализма показывают, что эти два феномена не обязательно являются оппонирующими, поскольку национализм часто приобретает сектарианские основания. Так, например, арабский национализм часто ассоциируется с суннитской идеологией, а ливанский национализм исторически связан с христианством. Однако довольно часто на социальном уровне национализм рассматривается как признак отрицания сектарианизма. Возмущения в Ираке и Ливане серьезно поставили под вопрос политику общества, разделенного на отдельные сектора (сектарианизм) и обратились к идеологии «воображаемой нации» как желаемой альтернативе.

В Ираке инициатором мобилизации стала группа, выступающая с лозунгом «Назель Аход Хакки» («Я защищаю свои права»). На площадях Ирака мы видим такие лозунги, как «Народ хочет свергнуть режим!» (что напоминает известный лозунг 2011 года), «Мы хотим вернуть свою родину!». Обращаясь в своих требованиях к категориям «родины», «страны» или «нации», протестующие отсылают нас к идее государства, которое в состоянии служить своим гражданам и обеспечить их чувством принадлежности, выходящим за пределы религиозной и этнической фрагментации.

В Ливане мы наблюдаем аналогичный процесс обновленного воображения «нации». Поскольку возмущение стало ответом на решение правительства ввести новые налоги, включая налог на звонки по WhatsApp, протестующие вышли на площади с национальными флагами под звуки национального гимна. К старому хорошо известному лозунгу «Народ хочет свержения режима!» протестующие добавили новый актуальный лозунг: «Все – значит все!». Именно этот лозунг указывал на отвержение сектарианского режима правления и призывал к свержению всех политических руководителей, независимо от их принадлежности к тому или иному сектору ливанского общества. Отказ от сектарианизма выразился в стремлении отстранить от власти всех лидеров и построить единое «государство» («страну», «нацию»), которое защитит всех граждан и будет к ним относиться справедливо на основании принципов равенства.

Хотя многие утверждают, что коррупция и неравенство в этих странах порождены сектарианским политическим режимом, это объяснение оставляет без внимания существенную роль экономической системы, то есть неолиберализма, в порождении кризиса, который и привел к народным волнениям. Основная цель протестов в Ираке и Ливане сегодня заключается в борьбе с двумя взаимосвязанными основаниями сектарианского неолиберального режима. Протестующие требуют социально-экономической справедливости и социального обеспечения, а также изменения политической системы сектарианского правления.

## > Неолиберализм и недовольство: в поисках утраченного «мы»

Неолиберализм доминирует в Ливане после завершения гражданской войны (с 1990 г.) и в Ираке после введения в страну американских войск (с 2003 г.). Сворачивание влияния государства и рост сектарианского клиентелизма сопровождались неолиберальной политической культурой, которая опирается, прежде всего, на ценности индивидуализма. Такая политическая культура не только формировалась в целом государство и общество, но также находила отражение в гражданском активизме и диссидентском движении. Несмотря на то, что в последние десятилетия многие активисты участвовали в общественных движениях и кампаниях протesta, самые крупные и эффективные инициативы опирались на принципы индивидуализма.

Так, например, одна из наиболее массовых избирательных кампаний, порожденных протестами в Бейруте 2015 года, проходила под девизом «Beirut Madinati (Бейрут – это мой город). Этот лозунг подчеркивает отношение отдельного человека к городу; он не взывает к коллективному «мы», не позиционирует город как общее место, собирающее горожан, а поддерживает индивидуалистическую логику неолиберализма. Аналогичным образом после финансового коллапса 2019 года активисты в Ливане написали граффити на окнах банка со следующими лозунгами «Верните мне мои деньги!». И это вместо лозунга солидарности, который мог бы звучать так: «Верните нам наши деньги!». Хотя уличные акции выражали коллективный гнев, направленный на доминирующую политическую культуру, идеология, лежащая в основе протesta, все же до сих пор является продуктом той же системы, против которой он борется.

Многие кампании также пронизаны правовым и правозащитным подходом, который остается, как кажется, весьма далеким от реальности Ливана и Ирака. В обеих странах судебная система является весьма слабой и коррумпированной, а уровень доверия населения к этим учреждениям крайне низок. Именно поэтому язык «прав» и «обязательств» не занимает центрального места в политическом воображении населения этих стран. Тем не менее, несколько значимых политических движений и кампаний опирались на идеологию индивидуальных «прав». Примером такого фреймирования является уже упоминавшаяся выше иракская компания «Я защищаю свои права»; или действия очень активной ливанской политической группы «Ли Хакки» («За мои права»). Такое внимание к риторике индивидуальных прав свидетельствует об ориентации на воображаемое современное национальное государство, где государственные институты защищают в равной степени права всех граждан, а коррупция и сектарианский клиентелизм побеждены.

Ещё одним последствием сектарианско-неолиберальной системы Ирака и Ливана является отсутствие политических организаций и союзов, которые могли бы стать платформами для перерастания народных возмущений в новую политическую систему. На фоне распространения пандемии COVID-19 в обеих странах растут потребности в возникновении и организационном оформлении утраченного «мы», которое сможет победить систему, не способную защитить общество от экономических катастроф и пандемии. ■

Адрес для связи: Рима Маджед <[rm138@aub.edu.lb](mailto:rm138@aub.edu.lb)>

# > Медиа и коммуникации в эпоху цифрового капитализма

# Критический анализ

Марлен ван ден Эккер, Себастиан Севиньяни, Университет Фридриха Шиллера в Йене, Германия



| Цифровой капитализм предполагает, что пользователи выполняют функции неоплачиваемых работников. Фото: Алекс Котлярский/unsplash.com.

**С**овременные условия развития и использования технологий для организации коммуникаций часто называются цифровым капитализмом. В отличие от таких диагнозов современного общества, как «постиндустриальное», «информационное» или даже «глобальное общество знания», термин «цифровой капитализм» выражает ту мысль, что социальные изменения сочетаются с преемственностью в отношении базовых социальных отношений экономической эксплуатации, культурного отчуждения и политического господства.

Цифровой капитализм проявляет себя по-разному в разных странах мира. В нашем мире цифровой капитализм способствует формированию креативного класса людей, производящих знание и подстегивающих консюме-

ризм. С другой стороны, миллионы людей зарабатывают на жизнь добычей сырья или работая на сборочных конвейерах при плохих условиях труда. Однако в этом разнообразии есть и общие черты. Пользователи новых технологий являются эксплуатируемым классом для платформ социальных медиа, которые функционируют как цифровые мануфактуры. Технологии надзора представляют угрозу для личных прав граждан. Интересы капитала препятствуют развитию низового демократического потенциала самоорганизующихся медиа.

В условиях роста использования цифровых медиа-технологий, критическая социология медиа и коммуникаций развивает эвристические подходы к пониманию социальных изменений, которые важны для нашей дис-

циплины. Этот критический взгляд вносит вклад в социологию труда и индустриальную социологию, выявляя новые волны рационализации, (де)квалификации, реорганизации трудовой деятельности и стоимостных цепочек. Этот критический взгляд способствует развитию социологии потребления и экономической социологии, поскольку он исследует решающую роль больших данных, алгоритмов, целевой рекламы и цифровых платформ как новых рынков. Критическая социология медиа оказывает влияние также на социологию культуры и политическую социологию, поскольку обсуждает цифровое культурное производство и современные трансформации публичной сферы. Критический анализ новых технологий стимулирует развитие социальной теории, обращая внимание на размытые границы между коммуникацией и трудом в рамках такого цифрового феномена, как «продуктивное потребление» (*prosuming*).

Мы надеемся, что критический анализ медиа, представленный в этом разделе, будет способствовать дальнейшему более глубокому исследованию обозначенных кратко проблем.

Марисоль Сандовал и Себастиан Севиньяни обсуждают понятие «цифровой эксплуатации». Тем самым они заполняют брешь в исследованиях медиа и коммуникаций, которые часто оставляют без внимания отношения эксплуатации в контексте цифровой занятости. Необходимо обратить внимание, что производство современной глобальной медиакультуры основывается на возможностях коммуникации и кооперации, которые контролируются Большинами Технологиями. Будучи пользователями платформ социальных медиа, мы функционируем в интересах этих компаний как неоплачиваемые цифровые работники. Платформы получают выгоды от активности пользователей и отслеживают данные о действиях людей в социальных сетях.

Австралийский ученый Марк Андреевич также анализирует логику бизнес моделей, построенных на использовании данных. Он отслеживает тренд эскалации автоматического создания данных, роль капитализации собственности и накопления в ходе этого процесса. Исследователь не подвергает сомнению тот факт, что авто-

матические системы получат широкое распространение. Его интересует, каким является в настоящее время их дизайн.

Исследователь из Гонконга Джек Линчунь Цю обсуждает возможность формирования нового цифрового рабочего класса. Пример Китая показывает, что государственные технологии надзора являются чрезвычайно мощными инструментами социального контроля, который претендует на расширение охвата. Обращая внимание на различные временные паттерны цифровой занятости, исследователь показывает, что цифровой рабочий класс может развернуть свой субверсивный потенциал, участвуя в таких коллективных разрушительных действиях, как саботаж, снижение темпов выполнения работ или забастовки. Классовая борьба цифрового рабочего класса направлена на получение гарантий темпоральной суперенности.

Канадский коллега, Таннер Миррлис, ставит под сомнение широко распространенное представление о том, что Китай является серьезным соперником США. Он показывает, что США не только обладают самой большой экономической и военной мощью. В настоящее время цифровые технологии и производство культурной продукции в этой стране также существенно опережают китайских конкурентов по размаху, доступности и доходности.

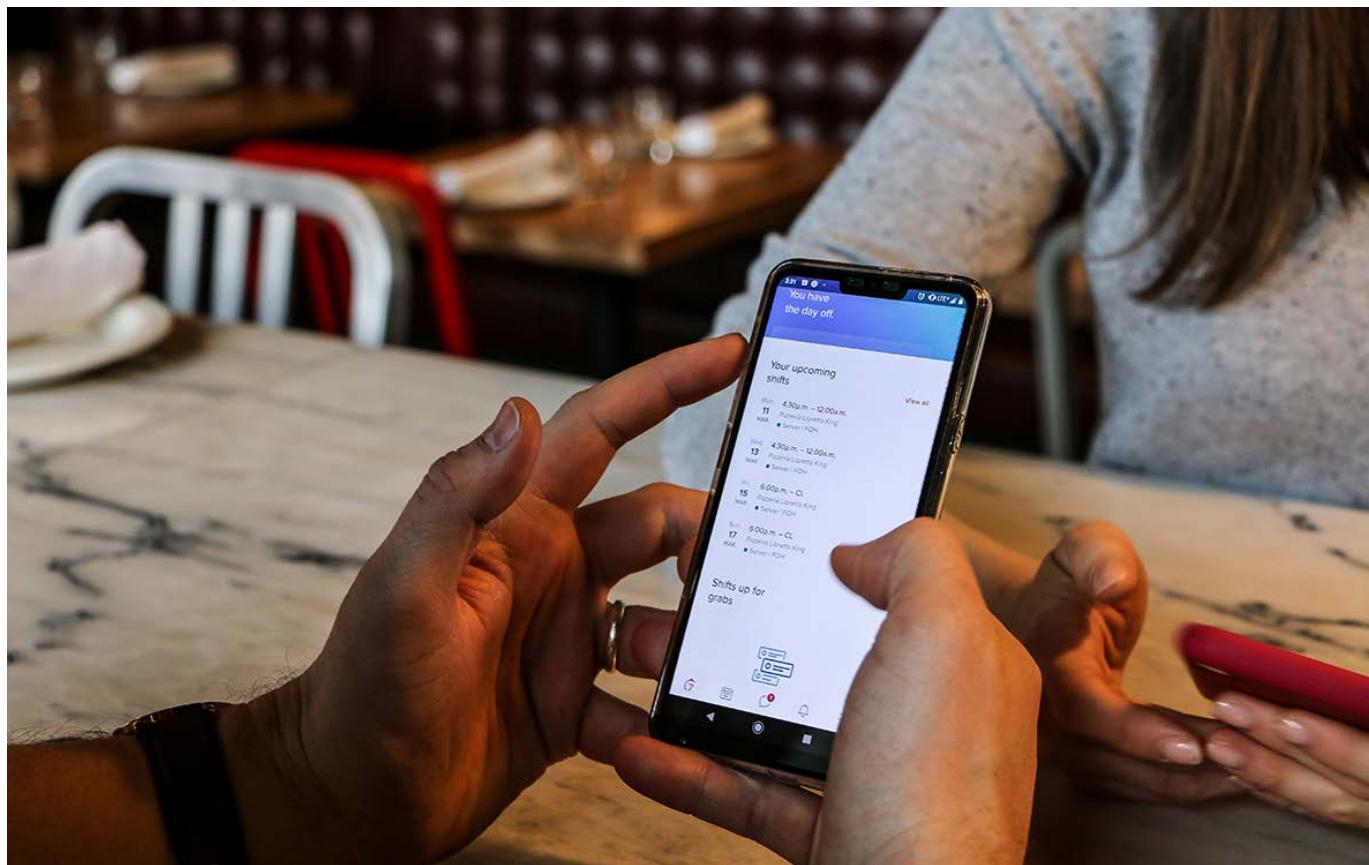
Последняя статья этой подборки, автором которой является Мэнди Трёгер, обсуждает постсоциалистические трансформации медиасистемы в объединенной Германии. Весной 1990 года многочисленные попытки демократизации восточногерманской печати были аннулированы, благодаря усилиям горстки западногерманских политических и экономических групп, которые построили рыночные структуры в соответствии со своими собственными интересами. Этот исторический пример показывает, как инфраструктура медиа, имеющая демократический потенциал, может быть разрушена частными экономическими интересами. ■

Адреса для связи:

Марлен ван дер Эккер <[marlen.van.den.ecker@uni-jena.de](mailto:marlen.van.den.ecker@uni-jena.de)>  
Себастиан Севиньяни <[sebastian.sevignani@uni-jena.de](mailto:sebastian.sevignani@uni-jena.de)>

# > Цифровая эксплуатация: связь коммуникации и оплачиваемого труда

**Марисоль Сандоваль**, Лондонский Университет Сити, Великобритания;  
**Себастиан Севиньяни**, Паденборнский университет и Йенский университет, Германия



При анализе медиа и коммуникаций часто оставляют без внимания трудовые отношения.  
 Фото: 7shifts.unsplash.com. Лицензия Creative Commons.

**К**ритическая теория медиа и коммуникаций стоит перед теоретической и практической дилеммой. Критическая социальная теория, вдохновленная марксистской мыслью, рассматривает производственную деятельность как ключ к пониманию социальных трансформаций. При этом подходе обычно медиа и коммуникации оказываются маргинальными темами. Критические исследования коммуникаций, напротив, анализируют идеологии и медийные эффекты, но оставляют без внимания трудовые отношения. Создается впечатление, что различие инструментального и коммуникативного

&gt;&gt;

действия как различных сфер социальной жизни, которое обосновывает Юрген Хабермас, не только оформляет основное русло социологии медиа и исследования коммуникаций, но и ограничивает развитие критической традиции. Такое различие серьезно ограничивает интерпретацию медиа и коммуникаций в цифровую эпоху. В этой ситуации мы стремимся выработать интегративный подход, который основан на критической гуманистической исследовательской традиции. Мы предлагаем три варианта толкования теоретической и практической взаимосвязанности коммуникаций и трудовых отношений.

### > Условия труда в сфере медиа

Рассмотрим первый и наиболее очевидный вариант взаимосвязанности труда и медиа. Исследователи должны подвергнуть глубокому анализу условия труда, которые формируют медиакультуру в глобальном масштабе. В течение последнего десятилетия были проведены исследования условий труда в таких профессиях, как журналистика, дизайн, мода, искусство и медиа, которые принадлежат к профессиям сферы медиа и культуры. Эти исследования показывают, что за фасадом этики меритократии, молодости, открытости, автономии и самореализации, которая приписывается этим профессиям, скрывается структурное неравенство по критериям расовой, классовой и гендерной принадлежности; прекарные контракты; неоплачиваемый труд, культура сверхурочной занятости и переработок; постоянные стрессы; тревожность и самообвинения; жесткая конкуренция и индивидуализм.

Второй аспект структурной связанных медиакультуры и сферы физического промышленного труда демонстрируют цепочки поставки оборудования глобального культурного производства. Современная медиакультура не мыслима без труда тысяч промышленных рабочих, собирающих компьютеры и электронику на предприятиях всего мира. Исследования занятости в отрасли производства электронной техники показывают, что современная цифровая культура структурно поддерживается условиями труда, которые напоминают ранний период промышленного капитализма. Несмотря на медийные скандалы – например, освещение в 2010 году нескольких самоубийств работников Foxconn, поставщика Apple, – повседневная трудовая жизнь этих работников остается невидимой за гладкими фасадами компаний, снабжающих население современными гаджетами и рекламными буклетами, продающими легкость и инновации. Если рассматривать журналистов, дизайнеров и художников как работников, а производство электроники как сферу промышленного и коммуникативного труда, то станет ясно, что медиа, искусство и коммуникации никогда не были исключительно феноменами надстройки. Это отрасли производства, и они глубоко интегрированы в капиталистическую экономику и присущую ей структуру эксплуатации.

### > Коммуникация ради производства

Обратим внимание на еще один аспект взаимосвязи медиа и производства. Для того чтобы включиться в мир производства, человек должен быть способным к коммуникации и кооперации. Любое производство осуществляется

в рамках опосредованных коммуникаций отношений производства. В обсуждении этой проблематики социология медиа и коммуникаций вступает в диалог с социологией труда, изучающей механизмы организации и контроля занятости. (Новые) медиа и коммуникационные технологии (например, электронная почта, смартфоны, цифровые платформы) создают культуру постоянного присутствия в сети (*always-online culture*), вносят вклад в увеличение общего количества часов работы и интегрируют новые часто неоплачиваемые формы труда в цепи создания стоимости продукта. Эти технологии также интенсифицируют трудовые усилия, делая разделение труда и его содержание на рабочем месте и между корпорациями более эффективными и гибкими в интересах капитала. Для определенных сегментов рабочей силы разработаны медиаприложения, которые способствуют развитию более автономных, диалоговых и творческих форм работы (например, *Slack*). Такие инновации трансформируют традиционные управленческие задания с учетом специфики труда работников сферы производства знания и проектной экономики. Различные формы приложений позволяют осуществлять алгоритмизированную обратную связь и позволяют оценить качество труда работника. Эти инструменты используются для того, что убедиться, что такая «автономная» коммуникативная и кооперативная работа все же может контролироваться или управляться теми, кто обладает собственностью на средства коммуникативного производства.

### > Коммуникация как производство

Третья модель отношения коммуникации и труда представляется континуитивной. Мы считаем, что сама коммуникация может рассматриваться как работа или производство. Такой подход станет понятным, если мы представим, что структуры коммуникации и труда являются идентичными, и если мы будем рассматривать труд и коммуникацию как проявления объективирующей деятельности. Человеческие существа вступают в кооперацию, чтобы совместно использовать инструменты и (сырец) материалы для производства объектов. Иногда этот процесс осуществляется, несмотря на сопротивление материального мира. В ходе производительной деятельности люди развивают и совершенствуют свою субъективность. Отправная позиция марксистской антропологии заключается в том, что деятельность считается сущностью человеческого существования, в ходе которой человек становится объективирующим, присваивающим и научаемым социальным существом. Коммуникация не предполагает объективацию человеческих способностей в материальных объектах. Однако средства коммуникативного производства предполагают работу со знаками и символами (Рэймонд Уильямс). Иными словами, знаки, символы и медиа являются средствами производства информации. По-латыни информировать, *informare*, означает формировать что-либо или оказывать воздействие на что-либо. Этимология слова «информация» четко указывает на то, что это трудовая деятельность. Объективированные знания или закодированные значения подвергаются присвоению или расшифровке, и эта деятельность имеет социальные последствия (такой подход развивает Стюарт Холл, основатель британской школы исследований культуры).

&gt;&gt;

Коммуникация не структурирует материальный мир. Однако коммуникация структурирует психическую регуляцию коммуникатора и других субъектов. Люди могут коммуницировать лишь в процессе работы со знаками; каждое взаимодействие, даже самое непосредственное, на самом деле опосредовано материальным миром символов.

Подумайте, например, о пользователях *Facebook*, *Instagram*, *Weibo*, *Snapchat*, *TikTok*, которых заманили в огороженные сады монополизированных платформ социальных медиа. Наш подход позволяет рассмотреть их не только как активных коммуникаторов, но и как просьбумеров, подвергающихся эксплуатации. Их коммуникативные объективации постоянно создают данные – следы их деятельности, которые валоризируются капиталом социальных медиа в рамках бизнес моделей надзора. Без коммуникативной деятельности пользователей интернета и экспроприации их объективаций (продуктов их деятельности) нельзя продать ни одного рекламируемого товара, а коммерческие социальные медиа не получат никакой прибыли. Эти неравные отношения эксплуатации между трудом/коммуникацией и капиталом позволяют последнему использовать цифровые медиа более интенсивно и жестко. Капитал направляет и канализирует нашу коммуникативную деятельность, когда мы становимся объектами рекламы и вовлекаемся в консюмеризм. Деятельность пользователя, таким образом, подчиняется капиталу. Капитал социальных медиа остается «мертвым» без коммуникативной активности, которую контролируют богатые социальные классы для того, чтобы эксплуатировать тех, кто им подчиняется.

Однако капитал социальных медиа не только эксплуатирует коммуникацию и воспроизводит неравные социальные отношения в интересах извлечения прибыли. Это неравенство порождает более общую форму цифрового отчуждения. В эпоху больших данных и алгоритмов, которые возникают и совершенствуются благодаря нашей коммуникативной деятельности, трудно представить и вовлечь в реальность форму человеческого информационного самоопределения, которая не поставила бы под сомнение её основание – политэкономию цифрового капитализма. Процессы присвоения коммуникативных объективаций и отчуждение коммуникативной деятельности уже идет полным ходом. Эти процессы превращают нас в объекты цифрового мира, а не в его субъектов.

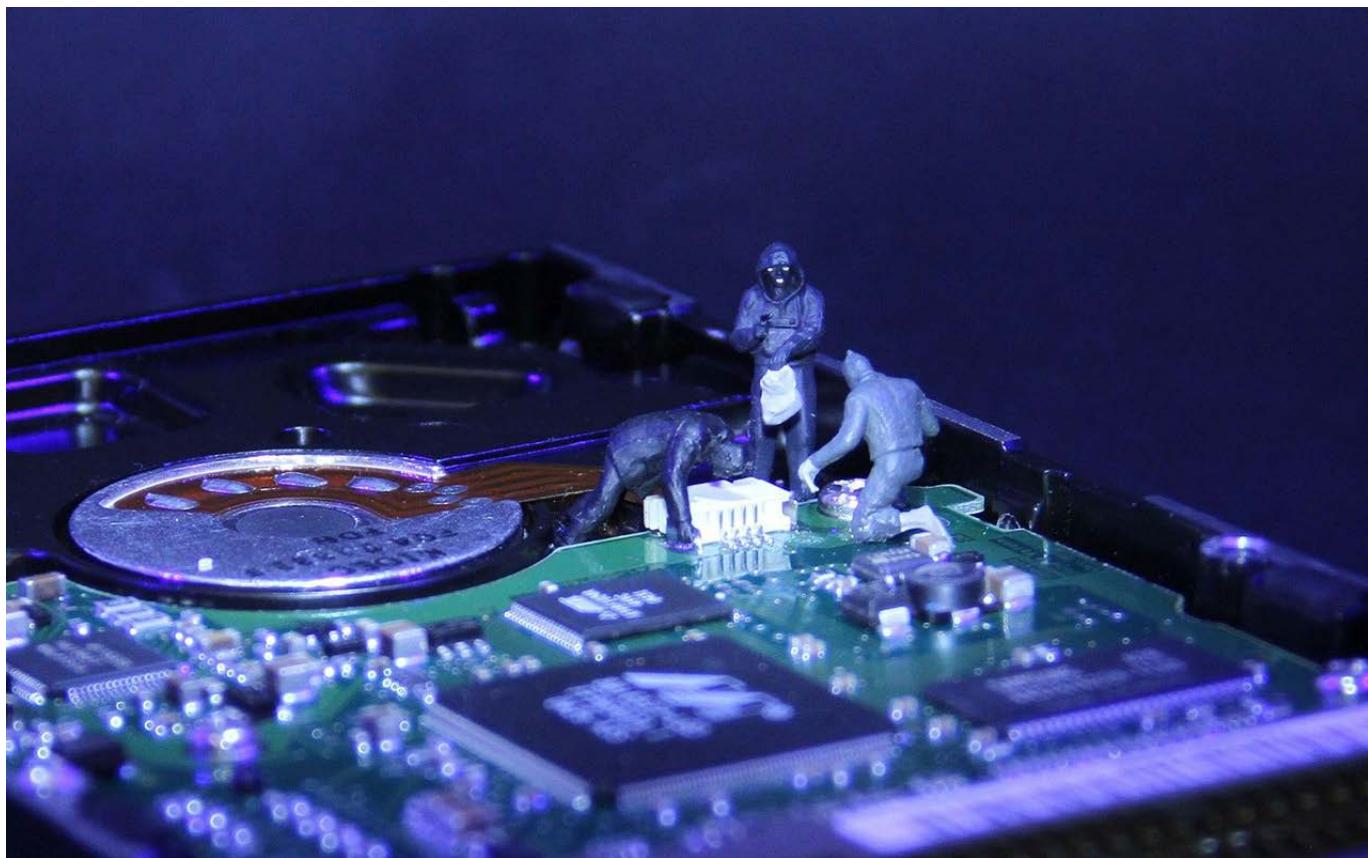
Развивая анализ медиа культуры за пределами изучения медиаконтента и его эффектов, гуманистический интегративный подход позволяет осмыслить сложности коммуникативного капитализма и подвергнуть критике неравное распределение глобального труда по производству культурных объектов. Изучая механизмы, с помощью которых противоречия глобального капитализма формируют коммуникацию и труд, которые, в свою очередь, могут способствовать трансформации цифрового капитализма, мы можем внести вклад в критическую социологию новых медиа и коммуникаций. ■

Адреса для связи:

Марисоль Сандоваль <[marisol.sandoval.1@city.ac.uk](mailto:marisol.sandoval.1@city.ac.uk)>  
Себастьян Севиньянин <[sebastian.sevignani@uni-jena.de](mailto:sebastian.sevignani@uni-jena.de)>

# > Автоматизация капитализма

**Марк Андреевич**, Университет Монаша, Австралия



Автоматизация: сотворение материального мира, призванного обслуживать людей? Фото: Franck V./unsplash.com. Лицензия Creative Commons.

**П**онятие автоматизации в своей абстрактной форме, отстранённое от контекста социальных отношений, позволяет вообразить материальный мир, подчиненный обслуживанию человечества: умные дома, предусмотрительно удовлетворяют наши потребности; работающие для нас фабрики; пространства, двери которых открываются, пропуская нас, играет музыка и нас подхватывают автоматические силы, когда мы падаем. Однако в контексте современных социальных отношений конкретные формы автоматизации выглядят как некие антиутопии, которые напоминают инкарнации отчуждения. Мы знаем, что наше информационное окружение формируется нашим действиями, отфильтрованными автоматическими системами. Это относится и к музыке, которую мы слушаем на платформах, и к новостям, которые множатся в сетях, и к результатам поисковиков. Однако мы не знаем, как происходит эта фильтрация. Мы также знаем, что ав-

томатизированные системы во многих случаях оценивают нашу работу, нашу кредитоспособность и наши жизненные шансы.

Автоматизация будет играть все большую роль в различных сферах социальной жизни, благодаря тому, что мы строим для себя интерактивные инфраструктуры. Они автоматически порождают такое большое количество данных, что использовать их можно только подвергнув обработке. Поскольку цифровая информация полностью преобразит наш мир в будущем, она неизбежно будет сопровождаться развитием автоматизации.

Ключевая задача тех, кто собирается исследовать медиа в критической перспективе, заключается в изучении форм, которые принимает автоматизация, приспособливаясь к приоритетам капитала. Именно этот вопрос нужно

&gt;&gt;

было обсудить в отношении интерактивной автоматизации, когда в недавнем прошлом было объявлено вполне абстрактным образом, что автоматизация обязательно будет способствовать развитию демократии и массовому росту ресурсоспособности (*etpowerment*).

Так ли это на самом деле? Мы должны изучить, действительно ли автоматизация является демократическим процессом. В связи с этим важно исследовать, что произошло с ценностью интерактивности? Что случилось с этим термином, который был столь популярным на рубеже тысячелетия, а затем ушел в тень дискурса. Вопрос не является новым. Он всегда являлся предметом критической политической экономии, которая изучает устойчивое воспроизведение капиталистического устройства. Чтобы недавняя критика «надзорного капитализма» на страницах журнала *Cambridge Analytica* имела конструктивное влияние, необходимо осмысльть политэкономические основания власти, в том числе и в сфере производства медиа автоматизации, которая формируют нашу информационную среду. Вопрос заключается не в том, нужна ли нам автоматизация, а том, какая автоматизация нам нужна.

Ответ на этот вопрос требует обращения к логике автоматизации в условиях капиталистических отношений собственности и накопления. Принимая во внимание скорость развития современных технологий, можно обратиться к одному потенциально продуктивному подходу, который предполагает выявление логики, формирующей мириады способов использования автоматизации в целях консолидации власти и обеспечения контроля. Преимущество такого подхода заключается в том, что он помогает отслеживать связи, объединяющие разные технологические инновации, выявлять тренды и тенденции развития. Целью исследований является скорее предвосхищение, чем реагирование: необходимо осознавать, что технологии формируются в соответствии с приоритетами, которые являются общими для обладателей ресурсов, а не саться на милость следующего поколения тех, кто осуществляет контроль – новых Цукербергов и Безосов.

Начать выполнение такой программы исследований можно с изучения трех современных взаимосвязанных тенденций автоматизации и их последствий для общества и социального неравенства. Эти тенденции: упреждение, безграничность и операционализм.

Упреждение – предвосхищение – представляет собой управление рисками и возможностями, основанное на представлении о перспективах автоматизированного сбора и извлечения больших данных. Логика упреждения становится все более распространенной. Так Amazon предвосхищает возможность рассылки товаров еще до того, как мы осознаем, что у нас появилось желание приобрести их (предвосхищает наши желания). Упреждающая политика предвосхищает возможности предотвращения преступления в момент возникновения возможности преступления. Новая автоматизация безопасности обещает пользователям, что она сможет предотвратить угрозу в момент ее появления и прежде, чем она реализуется. Эта доли секунды между двумя моментами является интервалом автоматического предупреждения (упреждения), моментом реагирования системы на угрозу, предотвращением ее реализации.

Логика предупреждения во всех этих контекстах опирается на сенсоризацию и автоматический сбор данных. Знание желаний потребителей и намерений преступников

до того, как они сами осознают свои намерение, предполагает получение как можно большей информации о них с помощью встроенных сенсоров и всеобъемлющий сбор данных. Таким образом, логика упреждения неотделима от целостного всеохватного мониторинга: сбора всех видов данных и их вечного хранения.

Логика безграничного охвата (*framelessness*) имеет два аспекта. С одной стороны, она выражается в попытке (безнадежной) дублирования реального мира в цифровой форме (попытка охватить все, ничего не оставляя за пределами фреймирования). С другой стороны, логика безграничности цифрового мира выражается в постоянном изменении целевых задач использования данных. Мы считаем наши конвенциональные представления о релевантности данных нарушенными, когда обнаруживаем, что использование веб-браузера для поиска работы считается лучшим предиктором будущего качества труда, чем что-либо другое. Другой пример. Если наш почерк или число звонков к матери, зафиксированное в больших данных, становится критерием оценки нашей кредитоспособности, то нам кажется такое использование данных неуместным. Нarrативные объяснения оказываются вторичными в таких контекстах, потому что они пытаются перенастроить интерпретативную схему, описывая, почему та или иная переменная может быть релевантной для управлеченческих решений. Но такие нарративные объяснения развиваются за пределами машины подсчета корреляций, которая воображает, что может полностью избавится от интерпретаций. В своем «некрологе по объяснению» Крис Андерсон поясняет эту логику следующим образом: «Покончим со всеми теориями человеческого поведения – от лингвистики до социологии. Забудьте типологии, онтологию, и психологию. Кто знает, почему люди поступают так или иначе? Дело в том, что они совершают поступки, и мы можем отслеживать их с беспрецедентной уверенностью. Если у нас достаточно данных, цифры говорят сами за себя».

Опираясь на идеи Гаруна Фарокки, попытаемся описать третью логику «операционализма». Она опирается на представление о том, что информация более не нуждается в интерпретации. Потому что она является действенной. Результат не нуждается в интерпретации: всякий, кто использует правильный браузер или кто правильно заполняет формуляр, получает работу или кредит. Всякий человек соответствующий разработанному паттерну, подлежит аресту, продвижению или является целью воздействия автоматического алгоритма.

Эти три логики – упреждения, безграничного охвата и операционализма – воспроизводятся во всех автоматизированных процессах, начиная с адресных рекламных объявлений до беспилотных ударов по отличительным признакам, от продаж до убийств. Эти логики показывают, что власть находится в руках тех, кто имеет доступ к данным и их обработке. Автоматизированный сбор данных требует автоматизации их обработки и способствует выработке автоматизированного реагирования. В то же время такие логики распространяются на пространства протеста: этот вызов создается непреодолимой конечностью нашего существования. Цель власти заключается в том, чтобы скрыть тот факт, что логика безграничного охвата является всемогущей и не имеет завершения. Это означает, что мы не в состоянии достичь совершенства в упреждении и не можем избавиться от объяснений. ■

Адрес для связи: Марк Андреевич <[Mark.Andrejevic@monash.edu](mailto:Mark.Andrejevic@monash.edu)>

# > Темпоральность и формирование китайского цифрового рабочего класса

Джек Линчунь Цю, Китайский университет Гонконга



Цифровые технологии стали вездесущими. Их используют и для контроля, и для протеста. Фото: Оуэн Уинкель/unplash.com.  
Лицензия Creative Commons.

**С** помощью цифровых медиаплатформ, местных сервисов и искусственного интеллекта (ИИ) китайское правительство существенно усилило социальный контроль над пространственным перемещением населения страны и развивающейся географией ее городов и деревень. Однако мы не вполне согласны с этим утверждением. Мы покажем, что сместив оптику и обратив внимание на темпоральный аспект становления китайского цифрового рабочего класса (ЦРК), мы увидим иную картину. Мы обнаружим, что Пекин теряет контроль над гражданами. В своих рассуждениях мы опираемся на марксистское и веберианское толкование классобразования и соответственно обсуждаем «время революции» и «время потребления» как значимые для понимания становления классов.

Революция и потребление представляют два различными модуса темпоральности. Революционная темпоральность характеризуется такими свойствами, как разрушение, коллективный характер, устремленность в будущее, антикапиталистическая направленность, героизм и гиперисторичность. Я обозначаю революционную темпоральность термином «остроконечное время» и тем самым развиваю тезис Ричарда Флориды об «остроконечном мире». Потребительская темпоральность носит непрерывный характер, является индивидуалистической, неолиберальной, ориентированной на настоящее, профанной и антиисторичной. Это «плоское время», которое имел в виду Томас Фридман, заявивший, что современный «мир стал плоским».

Я решил сконцентрироваться на обсуждении рабочего класса, потому что в отличие от других социальных групп его представители, как правило, живут в нескольких темпоральностях. Таким образом, в их существовании мы обнаруживаем множество сосуществующих и конфликтующих

между собой порядков темпоральности. Контекст жизни современного рабочего класса позволяет изучать динамику соотношения остроконечного и плоского времени.

Остроконечное время и плоское время составляют два полюса магнитного поля, насыщенного различными темпоральностями, которые принадлежат (как полагает Реймонд Уильямс) к одному из трех миров: миру пережитков, доминирующему или эмерджентному. Если расширяющаяся цифровизация повседневной жизни большинства представителей рабочего класса делает их заложниками плоского времени, то остроконечное время фрагментарно просачивается в сфере пережитков прошлого или возникает как сила изменений, которая просверливает отверстия в мягкой поверхности плоского или «безвременного времени» (как его называет Мануэль Кастеллс). Остроконечное время способствует коллективной борьбе и превращению ЦРК из класса в себе в класс для себя. Плоское время противодействует классообразованию; в его условиях рабочие живут автономизировано, им снятся сны других людей и они забывают, что их идентичности могут породить нечто уникальное – солидарность рабочего класса.

Есть и некоторое сходство между плоским и остроконечным модусами темпоральности. В Китае оба модуса противостоят темпоральной линейности прежних режимов – конфуцианского (предпочитающего регресс), буддистского (отдающего предпочтение возвращающимся реинкарнациям) или модернистского (ориентированного на предсказуемый прогресс). Если плоское время нельзя назвать прогрессивным или возвращающимся, остроконечное время определяется своей заостренностью, которая является результатом коллизии прогресса и регресса и создается «политикой, не дающей гарантий», о которой писал Стюарт Холл.

Благодаря синхронности воздействия остроконечная и плоская темпоральности являются мощными силами. Приведем пару примеров. Один из них – национальная забастовка дальнобойщиков в Китае в 2018 году, когда водители грузового транспорта выступили против платформы Yunmanman (китайская платформа для дальнобойщиков). Эта мобилизация напоминает борьбу против компании Uber в западных городах, но в Китае она получила национальный размах. Второй пример – ежегодный электронный коммерческий карнавал «День одиноких сердец», который проходит 11 ноября и во время которого

китайские потребители, принадлежащие к различным социальным классам, вовлекаются в поразительный онлайн праздник шоппинга. Эти случаи показывают, что рабочие могут жить в режиме плоского времени 360 дней в году, но оставшиеся 5 дней погружаются в режим остроконечного времени. И все это происходит благодаря структурным причинам, запускающим действие движущих сил.

Основной критерий различения смыслов времени, определяющий воспринимается оно как плоское или остроконечное, конфуцианское, буддистское или модернистское – это «temporalnyy suverenitet», о котором рассуждает Джуди Вайцман. Temporalnyy suverenitet определяется ответом на вопрос, кто обладает последним словом в определении модуса времени. Что считается основной единицей времени? Как единицы времени соотносятся друг с другом? Что является значимой temporalnay целостностью?

Традиционное чувство времени – например, конфуцианское – предполагает наличие трансцендентного суверена, Модернистская temporalность в китайском контексте находит выражение в статизме, государственно-социалистическом или государственно-капиталистическом. В Китае именно Коммунистическая партия является модернистским сувереном temporalности. И все же и остроконечное, и плоское время бросают вызов temporalному режиму, управляемому государством и создают вакум, который должен быть заполнен негосударственными акторами: корпорациями, работающими в модусе плоского времени и активистами, действующими в режиме остроконечного времени.

Несомненно, temporalность никогда не является статичной. И сегодня в Китае режим temporalности характеризуется секуляризацией, индивидуализацией и растущей мобильностью. Но, несмотря на то, что смартфоны и интернет-кафе явно обновили пейзаж, на самом деле в жизни китайского рабочего класса сохраняется больше исторической преемственности, нежели разрыва с коллективным опытом, сложившимся еще в начале двадцатого века.

Обычно рабочие следуют тому потоку времени, который вырабатывают для них боссы, устанавливающие производственное время работы предприятий. Наемные работники цифровой индустрии живут в условиях плоского времени тех компаний, которые являются операторами социальных медиа. Однако время от времени, когда случается поломка или авария, когда растет недовольство злоупотреблениями со стороны управляющих, когда коронавирус останавливает экономику, экзистенциальные угрозы, с которыми сталкиваются представители ЦРК, порождают в них альтернативное чувство времени, которым не может распоряжаться ни один из рабочих по отдельности. Замедление темпа работ. Остановка производства. Саботаж. Стихийные забастовки. Классовая борьба в цифровую эпоху разворачивается по поводу альтернативных режимов времени, которыми хочет распоряжаться работник. И это остроконечное время.

Распространение режима плоского времени является глобальным феноменом современности. Производители контентов, основанных на ИИ, запускают фейковые новости, развиваются рынки националистических мемов и создают то, что Адам Гринфилд назвал «постчеловеческой повседневностью». Плоское время является двояко направленным. Потребители считают его «естественным», продиктованным законами науки о дан-

ных и порядком, царящем на Уолл-стрит. IT-компании воспринимают плоское время как собственность, которой они могут распоряжаться и монетизируют время как сырьевой ресурс капиталистического накопления.

Но когда глобальный тренд распространения плоского времени укореняется в Китае, он порождает особенный эффект: неожиданным образом государство отступает. Китай обладает наиболее могущественной в мире машинерией национализации времени благодаря школам и СМИ, а также благодаря регулярным политическим мобилизациям маоистского периода. В условиях рыночной реформы Дэн Сяопина, запущенной в 1992 году, ККП оставалась центральной планирующей силой, осуществляющей свою политику с помощью мега-инфраструктур, которые уже достигают Евразии, Африки и Америки. Однако в период руководства Си Цзиньпина власти поразительным образом оказались не в силах сохранить контроль над temporalностью.

Конечно партийное государство старалось изо всех сил. Однако, несмотря на все попытки, окончательный контроль управления temporalностью решительным образом переместился от государственных органов к частным корпорациям. Для рабочих ни одна из государственных кампаний не стала столь популярной, как фестиваль шоппинга «День одиноких сердец». Государственное статистическое время сохраняет сегодня статус пережитка. Каждый день прайм-тайм ТВ Китая ритуально демонстрирует богоподобную фигуру Си Цзиньпина. Однако эти практики стали тривиальным – они сводятся к единичным кадрам, демонстрирующим бурные аплодисменты толпы, приветствующие Си в течение нескольких минут. Это показывает, что модернистский государственный режим времени изжил себя и замещается плоским временем.

2004 год стал для китайских рабочих переломным – годом возвращения к революционному времени. Но с поправкой на эпоху интернета. Три возмущения рабочих в провинциях Шаньси, Сычуань и Гуандун прорвали линию информационного контроля, насижданого местными властями, используя онлайн форумы и блоги. С тех пор рабочие цифрового производства добиваются частичного или полного успеха в борьбе против своих боссов и авторитарных цензоров, что показывают, например, забастовка работников Honda Locks в 2010 году, работников обувной фабрики Yue Yuan в 2014 году или протесты Jasic в 2018 году.

Позвольте завершить эту статью обращением к различию «мессианского» и «хронологического» времени, которое проводит Джорджо Агамбен. Эти два модуса temporalности составляют параллель нашего противопоставления плоского и остроконечного времени. Агамбен пишет: «Мессианское время не является внешним по отношению к хронологическому времени: оно является той частью (*una porzione*) хронологического времени, которая переживает противоречивую трансформацию и полностью изменяет его суть». Китайский цифровой рабочий класс живет сегодня в мессианском времени. Широкое распространение цифровых медиа и господство плоского времени часто делает невидимым возникновение признаков революционного времени. Остроконечное время находится в свернутом состоянии в плоском времени. Именно во времена забвения и зарождается революция. Она может разразиться в любой момент. ■

Адрес для связи: Джек Линчунь Цю <[jacklqiu@gmail.com](mailto:jacklqiu@gmail.com)>

# > Соперничество между США и Китаем?

## Цифровые технологии и производство культуры

Таннер Миррлис, Технический университет Онтарио, Канада



Наступил ли конец экономическому культурному господству США?

Источник: Wikimedia Creative Commons.

**С**о времени окончания Холодной войны до глобальной войны против террора возглавляемой США, именно эта страна являлась крупнейшей империей мира, у которой не было соперников. Однако сегодня президент США, Дональд Трамп, стратегические фигуры американской международной политики и даже общественное мнение (измеряемое Pew Research Center) представляют Китай в качестве соперника лидерства США на глобальной арене. Такие новые заголовки, как «США versus Китай: новая эпоха соревнования двух держав, хотя и без границ» (New York Times) или «Соперничество США и Китая усиливается: Юго-Восточной Азии пора понять, на чьей стороне она играет» (South China Morning Post) позиционируют США и Китай как соперничающие державы. Но соответствует ли это действительности? Имперское могущество США покончилось на трех властных структурах: глобальное экономическое могущество, военное превосходство, технологическая и культурная популярность. Несмотря на то, что китайская экономика и военная мощь быстро возрастают, а китайские кампании «мягкой власти» набирают силу, все же Китай не может считаться соперником США. В 2019 году США существенно превосходили Китай в экономическом и военном отношении, а также в сфере культурной индустрии.

По данным Forbes, в глобальном списке крупнейших государственных компаний на 2000 год числился 575 аме-

риканских и 309 китайских корпораций. В списке двадцати крупнейших глобальных компаний – десять американских и пять китайских. Именно доллар США является мировым резервом и наиболее часто используемой валютой. Номинальный ВНП США составляет 19,39 трлн \$, гораздо больше, чем ВНП Китая (12,24 трлн \$). Бюджет на военные расходы составляют в США 684,6 млрд \$, а в Китае всего 185 млн \$, а доходы от вооружения направляются в компании Boeing, Lockheed Martin и General Dynamics, которые являются крупнейшими производителями и импортерами оружия. Сотни баз вооруженных сил США размещены в разных точках земного шара от Дэгу (Южная Корея) до Шпандалема (Германия). Недавно базы американских ВВС появились в Индо-Тихоокеанском регионе. Их целью является окружение и ограничение Китая. Для сравнения отметим, что глобальное военное влияние Китая минимально: он располагает лишь одной иностранной базой в Джибути, на большом расстоянии от США.

Цифровые технологии и культурная индустрия США имеет гораздо большее мировое значение, чем аналогичные ресурсы Китая. Их размах, доходы, власть и распространенность гораздо выше, чем у китайских продуктов. Приведем соответствующие цифры. 65 из 154 крупнейших компаний по производству глобальных технологий являются американскими и 20 – китайскими. Восемь из верхней десятки

>>

корпораций тоже американские (*Apple, Microsoft, Alphabet/Google, Intel, IBM, Facebook*, системы *Cisco* и *Oracle*) и только одна находится в Китае (*Tencent*). Две крупнейшие телекоммуникационные корпорации, *AT&T* и *Verizon*, базируются в США, а третьей по величине является китайская компания *China Mobile*. Кремниевая долина является родиной четырнадцати из двадцати наиболее часто посещаемых веб-сайтов, включая монополиста на рынке поисковых систем *Google*, сверхдержаву среди социальных сетей – *Facebook*, видеоплатформу *YouTube*, платформу микроблогов *Twitter*, энциклопедию *Wikipedia*, развлекательный сервис *Netflix*, сервисы электронной почты *Outlook* и *Yahoo*, платформу для обмена фото *Instagram*, форумы обсуждений *Reddit*, а также порноплатформы *Pornhub* и *Xvideos*. Интернет-компании Китая растут, но им принадлежит только два наиболее часто посещаемых сайта: *Baidu* и *qq.com*.

«Большая голливудская пятерка» включает такие студии, как *Walt Disney Studios* и *20<sup>th</sup> Century Studios* (оба входят в *Walt Disney Company*), *Warner Bros.* (входит в *AT&T-WarnerMedia*), *Universal Pictures* (принадлежит *Comcast-NBCUniversal*) и *Paramount Pictures* (принадлежит *ViacomCBS*). Именно они, а не китайские киностудии получают самую большую в мире кассовую выручку. В 2019 году общий кассовый доход голливудской продукции составил 42,5 млрд \$. Доля Северной Америки составляет 11,4 млрд \$., а международный доход – 31,1 млрд \$. Правительство Китая вводит проекционистские меры и содействует росту процветающей индустрии развлечений. Большинство топовых китайских фильмов и ТВ-шоу «сделаны в Китае». Китай, безусловно, нельзя назвать жертвой культурного империализма США, но торговые отношения между Китаем и США в сфере культуры являются несбалансированными в пользу Америки. Голливудские фильмы ежегодно зарабатывают большие деньги в Китае. Китайские фильмы напротив крайне редко появляются в США и конечно не приносят сравнимых доходов. Самый кассовый фильм 2019 года «Мстители: Финал» установил более тридцати кассовых рекордов в Китае, а главный китайский блокбастер «Блуждающая Земля» фактически не имел сборов в США. Таким образом, позиция китайской индустрии развлечений на глобальном рынке совершенно не сопоставима с местом, которое занимает Голливуд ни по доходу, ни по культурной привлекательности продукции.

Каждый год Кремниевая долина и Голливуд приносят прибыль размером в миллиарды долларов в ВНП страны. Необходимо понимать, что цифровые медиаплатформы удовлетворяют потребность капитализма в создании потребителей и мотивируют последних к приобретению товаров. *Google* является крупнейшим цифровым продавцом рекламы в мире, он тратит на рекламу 31% всех мировых расходов, или 103,73 млрд \$. На втором месте – *Facebook*, чей доход от рекламы составляет 67,37 млрд \$; за ним следует китайская платформа *Alibaba* с доходом от рекламы в размере 29,20 млрд \$; следующую позицию занимает *Amazon* с выручкой примерно 14,1 млрд \$. Кинопродукция Голливуда и ТВ-шоу также удовлетворяет потребности капитализма в рекламе. Прежде всего, они производят товары культуры и опыта, которые далее продают дистрибутерам, которые пускают их в продажу на самых разнообразных экранах рынках и стримингах, таким образом, достигая потребителей. Во всяком случае, Голливуд расходует от 20 до 150 млн \$ на маркетинг каждого из своих продуктов. Кроме того, глобальные рекламные агентства также доплачивают Голливуду за возможность помещать брендовые товары в свою историю. Фильм «Человек-паук: вдали от дома» побил рекорд для брендовых развлечений; на продвижение

фильма было потрачено 288 млн \$. Реклама различных продуктов показывает, как Человек-паук сражается со злом и предлагает потребителям соответствующий товар: *Audi*, *Pepsi* или полеты на самолетах компании *United Airlines*! Третий сезон сериала «Очень странные дела» включал рекламную информацию стоимостью около 15 млн \$, демонстрируя Кока-Колу, Бургер-Кинг и KFC.

Итак, цифровые технологии и культурная индустрия США развиваются в соответствии с капиталистической логикой. Однако операционный режим этой индустрии непосредственно связан с геополитическими амбициями США. Госдепартамент США продвигает пространство цифровой свободной торговли и политику строжайшей охраны интеллектуальной собственности в целях обеспечения доходности продукции Кремниевой долины и Голливуда в каждой стране, куда она доходит. Агентство национальной безопасности США, опираясь на модель «надзирающего капитализма» по модели Большых Технологий, создает профильные данные, а затем подвергает мониторингу население мира. С помощью цифровых технологий производится аналитика, предсказывающая степень угрозы, которую те или иные сегменты мирового населения представляют для США. Используя стратегию «мягкой силы» Агентство общественной дипломатии США организует проамериканские кампании на площадках старых и новых медиа. Министерство обороны США использует интернет и социальные медиа как «оружие» и «поле битвы» в «кибер-войне». Правительство заключает контракты с такими компаниями как *Amazon*, *Google* и *Microsoft*, чтобы проводить милитаризированное расследование и разработки в сфере интернета и искусственного интеллекта. Все подразделения системы безопасности США вовлечены в культурную индустрию, и, как правило, помогают Голливуду в создании фильмов или ТВ-шоу, в которых затрагивается проблематика безопасности. ФБР содействовало производству драматического сериала «Американцы», посвященной Холодной войне: одним из его создателей стал бывший агент ФБР Джо Вейсберг. Министерство обороны участвовало в создании нескольких голливудских продуктов милитаризированных развлечений, таких как «Лучший стрелок 2» (*Top Gun: Maverick*), «Капитан Марвел» и «Трансформеры».

В своей книге *Hearts and Minds: The US Empire's Culture Industry* [Сердце и разум: имперская культурная индустрия США] (2016) и в коллективной монографии *Medialism: Continuity and Change* [Медиализм: преемственность и изменения] (2019) я подробно анализирую процессы сближения капиталистической логики цифровых технологий/культурной индустрии и геополитических действий системы государственной безопасности США в XX и XXI веке. Я показываю, что государственные агентства, цифровые технологии и культурная индустрия США выстраивают, защищают и продвигают создание глобальной системы интегрированных союзников, которые находятся под давлением погони за прибылью, в которую вовлечены Кремниевая долина и Голливуд, контролируемые режимом безопасности США и насыщенные продуктами американской масскультуры и платформами новых медиа. Что касается Китая, эта держава расширяет масштаб применения стратегии «мягкой силы», увеличивает свой арсенал кибер-войны и вовлекается в компании по усилию культурного влияния. Но Китай еще не может считаться соперником имперского могущества США.■

Адрес для связи: Таннер Миррлис <[tanner.mirrlees@uoit.ca](mailto:tanner.mirrlees@uoit.ca)>

# > Свободный рынок свободной постсоциалистической печати?

Мэнди Трёгер, Университет Людвига Максимилиана в Мюнхене, Германия



Демонстрация в Берлине. Ноябрь 1989 года. Фото: Петер Циммерман/Bundesarchiv.

**3** западногерманский журнал *Publizistik & Kunst* называет этот процесс «золотой лихорадкой», а газета *die tageszeitung* напоминает о «ранних днях капитализма». Оба издания обсуждают развитие рынка печати в бывшей ГДР весной 1990 года. В это время политические и экономические группы ФРГ выстраивали рыночные структуры в своих собственных интересах, препятствуя глубокой демократической реформе медиа.

За пять месяцев до этого, в ноябре 1989 года, сотни тысяч жителей ГДР вышли на улицы, протестуя против государственных репрессий, требуя свободных и демократических медиа. Эти протесты привели к падению Берлинской стены и запустили волну прогрессивных реформ, которые затронули и СМИ. В результате 3 октября 1990 года ГДР вошла в состав ФРГ, произошло объединение Германии. Хотя об этом процессе написано немало, промежуточный период выпал из истории. В этой статье я показываю, как в мае 1990 года германская печать была «эффективно объединена».

## > Реформа

Цель реформы печати ГДР, начавшейся в ноябре 1990 года, заключалась в том, чтобы разрушить информационную монополию Единой социалистической пар-

тии ГДР (SED). SED была держателем 70% всей газетной продукции ГДР. Еще в декабре 1989 года Совет министров ГДР ратифицировал Резолюцию, которая поддерживала группы оппозиционеров, гарантируя им равный доступ к СМИ. Вскоре 5 февраля 1990 года был принят Закон о свободе мнений, информации и СМИ, который запретил цензуру и объявил, что печать является свободной от политической и экономической монополизации и является открытой платформой для общественных дебатов. Каждая личность и юридическое лицо в ГДР получили право на издание, печать и распространение медиа.

После этого последовал взрыв газетных стартапов. Только в феврале 1990 года было основано 16 газетных изданий; к июлю 1990 года их было около ста. В стране с населением около 17 млн человек эта волна инициатив требовала структурной реформы и демократического участия. В то же время эtablirрованные газеты заявили о своей политической независимости и реформировались изнутри. Общественность и печатные органы постоянно обсуждали вопросы о том, что такое независимая пресса.

В это же время в ГДР были основаны социальные учреждения, чьей непосредственной задачей было реформирование медиа. Уже в апреле 1990 года были сформированы независимый гравесрутный Совет по

контролю медиа (СКМ) и министерство политики медиа (МПМ). Как пишет Готфрид Мюллер, задачей этих структур в мае 1990 года было обеспечить «переход к свободным медиа», а не «просто принятие или копирование западных моделей и концепций». Их целью было создание новых моделей развития свободной печати.

### > Рыночный захват

Одновременно с инициативами реформирования восточногерманских медиа, корпорации ФРГ начали изучать рынок печати ГДР. Уже в декабре 1989 года издатели занимались распространением своей продукции в ГДР. Сporadический экспорт вскоре стал систематическим. К середине февраля Министерство внутренних дел ГДР признало, что возникла потребность правового регулирования: налоги не выплачивались, цены не были фиксированными. Министерство при этом «явно поддерживало» «действия издателей в теневой зоне». Целью министерства было обеспечить поток информации, который мог бы оказать влияние на первые свободные выборы в ГДР, состоявшиеся в марте 1990 года, которые были в значительной степени финансированы партийными интересами ФРГ. Это стало политическим основанием транзита печати, осуществленного в соответствии с интересами рынка ФРГ.

5 марта 1990 года крупнейшие издательства – *Springer, Burda, Bauer и Gruner + Jahr (G + J)* – начали заниматься системным импортом. Они без согласования с партнерами установили свою систему присвоения активов. Разделив ГДР на 4 зоны распространения, они в кооперации друг с другом распространяли в основном свои издания, наводняя ими рынок ГДР. Эти действия были нелегальными с точки зрения Федерального закона и вызвали оторопль у политических и гражданских органов ГДР. Поскольку эта схема начала действовать всего за две недели до выборов, правительство ГДР не имело возможности реагировать. Попытки ввести регулирование были игнорированы или отвергнуты.

Вскоре после выборов эти издатели вступили в конкурентную борьбу друг с другом, используя хищническое ценообразование. Цель этого бизнеса, в результате которого деньги не приобретались, а тратились, заключалась в том, чтобы завоевать новых читателей. Эти действия исключали участие мелких западногерманских издателей, которые не могли позволить себе снизить цены. Дополнительное давление на состояние печати ГДР оказывали старое печатное оборудование, нехватка бумаги,

и ненадежное распределение инфраструктуры. Все эти обстоятельства снижали конкурентоспособность издательского сегмента ГДР. Более того, 1 апреля 1990 ГДР прекратило субсидировать печать. Большинство газет удвоило или утроено цены на издания и перешло на рекламную деятельность; такой шаг потребовал обратиться к экспертизе ФРГ. Таким образом формировалась зависимость восточно-германских газет от западных. Кроме того, им были необходимы капиталовложения.

### > Две страны, один рынок

К апрелю 1990 года все газеты ГДР состояли в совместных предприятиях с западногерманскими издательствами, которые искали сравнимых преимуществ на Востоке. Первыми объектами захвата стали 14 бывших региональных газет *SED*, которые были квазимонополиями в своих регионах. Официально эти газеты подписали соглашение о намерениях. На самом деле, издатели ФРГ вступили с новыми партнерами в разнообразные бизнес-отношения, которые варьировали в диапазоне от получения рекламных услуг до издания газет, что включало справедливое распределение инвестиций. Только в апреле 1991 года эти совместные предприятия превратились в правовые контракты с помощью страхового агентства (*Treuhändanstalt, THA*) германского правительства. *THA* передало прежние государственные издательские монополии основным издательствам ФРГ, которые вскоре консолидировали рынок.

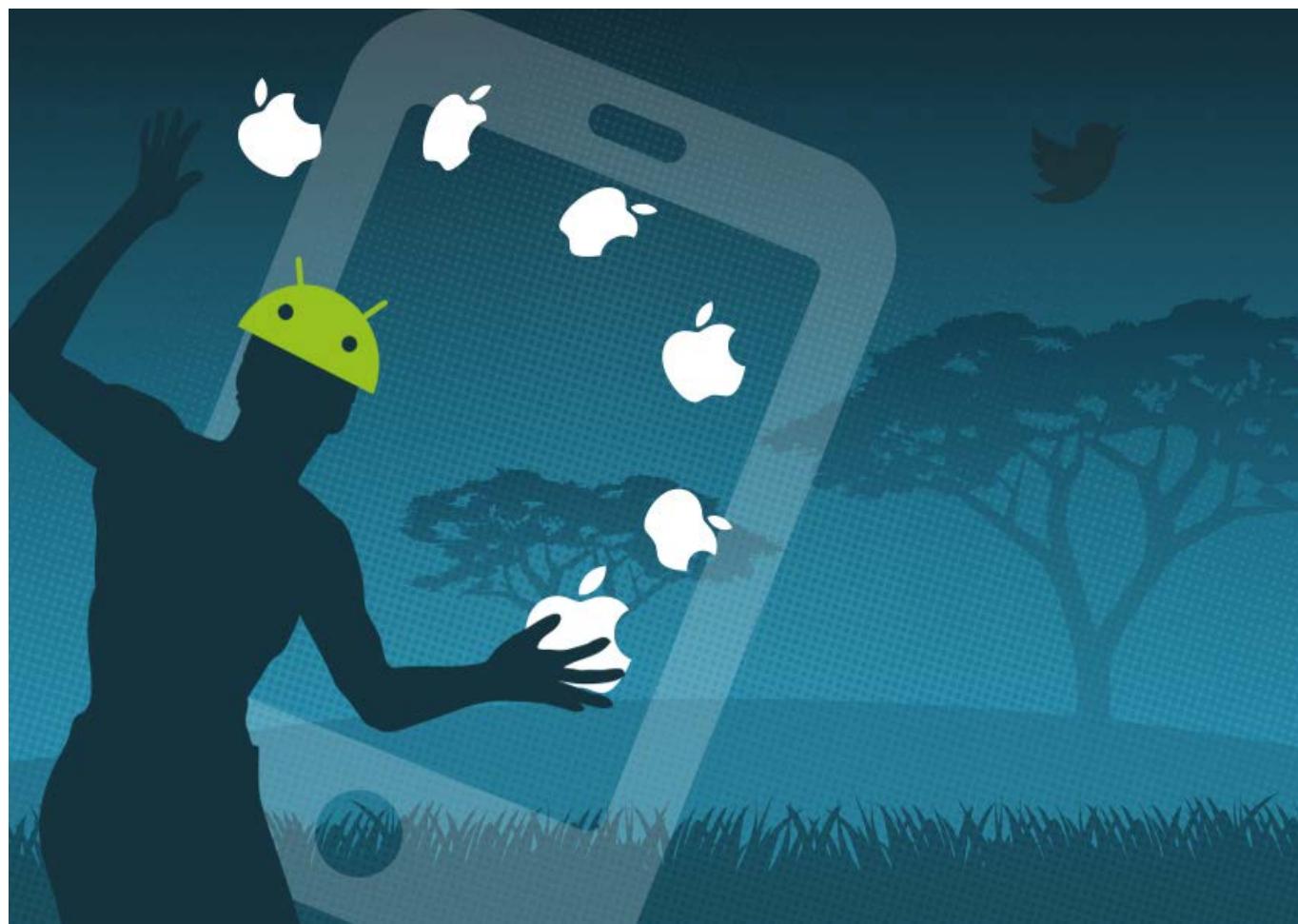
### > Смерть мечты

В результате произошла концентрацию печати. Из ста двадцати газет, основанных в 1990 году, два года спустя сохранилось только около 65 газет, принадлежавших пятидесяти издателям. К ноябрю 1992 года число газет сократилось до 50 изданий, принадлежащих 35 издателям. Историк Конрад Дуссел считает, что такой тренд был следствием решения федерального правительства «не участвовать ни в каких экспериментах». Это означало, что демократическая мечта 1989 года умерла. Опыт, идеи и инициативы по созданию независимой печати, основанной на опыте ГДР, были перечеркнуты. Это превратило переходный период в упущенное окно возможностей, а объединение Германии в простую экспансию западного политэкономического порядка. Независимая печать ГДР не получила развития. ■

Адрес для связи: Мэнди Трёгер <[Mandy.Troeger@ifkw.lmu.de](mailto:Mandy.Troeger@ifkw.lmu.de)>

# > Информационно-компьютерные технологии как магия: африканское вдохновение

Фрэнсис Нямнджо, Кейптаунский университет, ЮАР



| Иллюстратор: Арбу.

**Я** вырос в Западной и Центральной Африке, где люди верят, что всё в мире является незавершённым: природа, сверхъестественный мир, человеческие существа; незавершёнными является также человеческие достижения и человеческая деятельность. Мы организуем наши жизни и проживаем их в соответствии с этой идеей незавершённости. Мы считаем, что чем скорее мы признаем незавершённость и сделаем её частью обычного образа жизни, тем лучше для нас. Мы также думаем, что из-за своей незавершён-

>>

ности люди не являются одинокими и унифицированными по форме и содержанию, даже если их внешность может свидетельствовать об обратном. То же самое относится к вещам. Текущесть и сложность бытия, способность присутствовать одновременно во множестве его проявлений в целом или фрагментарно – это основные характеристики социальной реальности и онтологии незавершённости. Кроме того, Западная и Центральная Африка – это регион, где желательным образом взаимодействия между различными сущностями (людьми, человеком и природой, природой и сверхъестественным миром) считается взаимозависимость и взаимодействие.

### > О незавершённости

Осознавая незавершённость своего бытия, люди, живущие в Западной и Центральной Африке, стремятся усилить свою власть через отношения с другими людьми. Они также используют творческие способности и воображение для приобретения магических объектов, которые могут расширить их влияние в этих отношениях, а также при взаимодействии с прихотями и капризами природных и сверхъестественных сил. Такие объекты, которые на языке современности называют технологиями, в Западной и Центральной Африке широко известны под местными названиями, которые я условно перевел словами «магия» и «магические артефакты» (*juju*). Космологии и онтологии, которые включают в себя такие верования и практики, в прошлом воспринимались искажённо и до сих пор в значительной степени продолжают демонизироваться современными исследователями Африки и даже некоторыми африканцами. Учёный мир обозначает их как ведьмовство, колдовство, язычество, суеверие и примитивизм. Хотя это и не соответствует реальности, те, кто рассматривает модернизацию и развитие как игру с нулевой суммой, считают, что валюта новых информационных и коммуникационных технологий (далее ИКТ) и цифровая революция несовместимы с такими глубоко укорененными космологиями, онтологиями, убеждениями и практиками.

Несмотря на то, что в мире воспроизводится стремление к господству и верховенству на основании насилия и непризнания взаимного характера долговых обязательств, нам представляется очевидным, что будущее принадлежит игнорируемым народным верованиям и практикам, основанным на представлении о неполноте бытия. Если принять тот факт, что обычные человеческие существа по своей природе являются незавершёнными, то следует признать, что все усилия, направленные на укрепление влияния через развитие отношений, привлечение ресурсов и технологий, на самом деле не способствуют завершённости. Философия незавершённости указывает на необходимость смириться с тем, что человек является лишь частью целого, и признать свой долг перед другими: людьми, природой и сверхъестественным миром. Неполнота является непреходящим условием бытия. Она в частности находит свое выражение в постоянном поиске человеком новых средств преодоления этого состояния. Эти непрекращающиеся усилия заставляют человека осознавать свою незавершённость, когда он сталкивается с теми средствами расширения влияния, которые он еще не освоил. Более того, средства расширения влияния оказываются действенными лишь в течение ограниченного времени, а некоторые из них фактически подрывают степень завершённости, которая, казалось бы, уже достиг-

нута. Признание того, что завершенность – это иллюзия, которая может развязать только бесплодные амбиции захватований и игр без победителей, позволяет исследовать, созерцать и поддерживать мир открытости, взаимосвязей, текущести и добрососедства. Это мир, в котором никто не обладает монополией власти или безвластия; мир, в котором люди и вещи дополняют друг друга.

Акцент на взаимосвязях и взаимозависимостях призывает нас принять незавершённость как нормальное состояние бытия и развития, систематически отказываясь от стремления к превосходству в игре с нулевой суммой.

### > Цифровые технологии как магия

Одна из пословиц, собранных великим африканским писателем Чинуа Ачебе в книге «Стрела Бога» (*Arrow of God*), посвященной невидимым силам, гласит: «Если мы видим маленькую птичку, танцовщую посреди тропинки, значит вор, покушающийся на ее гнездо, притаился в ближайшем кустарнике». Чтобы иметь возможность претендовать на божественные качества всеведения, всемогущества и вездесущности, люди должны стремиться усилить своё обычное «я» с помощью необычных активаторов – магических артефактов *juju*. Отсюда происходит широко распространённая в Западной и Центральной Африке вера в то, что несмотря на то что мы обычные люди, наша способность быть всеведущими, вездесущими и всемогущими может быть значительно расширена благодаря магии (которая включает амулеты, заговоры, зелья и прочие волшебные средства, но не ограничивается ими). Артефакты *juju* обычно изготавливают ясновидящие или духовные эксперты, которые в разных контекстах известны под разными именами.

Я сравниваю ИКТ и цифровые технологии с тем, что мы в Западной и Центральной Африке привыкли называть магией (*juju*). Я предлагаю исследователям в области цифровых гуманитарных наук увидеть в этой региональной мировоззренческой системе, постулирующей неполноту и композитную структуру человеческого бытия, а также в способности одновременно присутствовать повсюду, указание на то, что нам есть чему поучиться у прошлого в понимании и использовании современных якобы инновационных достижений ИКТ. Идея о том, что цифровые технологии позволяют людям и вещам присутствовать даже в их отсутствие и отсутствовать даже в их присутствии, не слишком отличается от веры в то, что часто именуют и отвергают как волшебство и колдовство. Эта вера укладывается в представление о мире бесконечных возможностей – мире одновременного присутствия во множестве контекстов наличия могущественных сил, способных определить реальный мир. Народный мир Западной и Центральной Африки – мир гибкости, изменчивости и незавершённости – был отвергнут колониальными державами; к нему продолжают пренебрежительно относиться модернизаторы. Это мир, в котором время и пространство не могут стоять на пути истины и её сложных нюансов. Это мир, который мы стали понимать намного лучше только недавно с появлением новых ИКТ, таких как Интернет, сотовый телефон и смартфон, вместе с их «волшебством» и «колдовством» мгновенной доступности и достижимости, а также способности содействовать нарциссизму, потаканию своим желаниям и заботой о внешнем облике. Вместо того, чтобы мыслить диахромично, западная и центральноафриканская традиция расширения влияния

&gt;&gt;

посредством творческого воображения предполагает онтологию взаимосвязанности, которая может стать плодотворным подходом для концептуализации взаимодействия людей и ИКТ.

Я рассматриваю магию (*juju*) как технологию самоактивации и саморасширения – как механизм, который позволяет нам выйти за пределы обычного бытия и дает возможность достичь того, что осталось бы недоступным, если бы мы полагались только на наши естественные способности или сильные стороны. Конечно, наше тело, если его должным образом развивать, может стать феноменальным магическим артефактом *juju* и позволит нам совершать необычайные подвиги. Но даже такие технически подготовленные, запрограммированные или дисциплинированные тела, вероятно, столкнутся с проблемами, решение которых потребует дополнительных возможностей. Другими словами, хотя наше тело и обладает потенциалом стать нашим первым магическим артефактом *juju*, оно в конечном итоге нуждается в дополнительной магической силе для эффективных действий.

Тот факт, что магия (*juju*) для правильного функционирования часто полагается на сложную сеть взаимосвязей, является дополнительным ограничением и сдерживающим фактором для любой честолюбивой цели. Самосовершенствование или расширение личного влияния с помощью якобы более научных и технических средств, таких как компьютеры (или ноутбуки), мобильные телефоны (обычные или смартфоны) и другие мобильные устройства (планшет, iPad), ещё не гарантирует, что они не выйдут из строя именно тогда, когда необходимы больше всего.

Возможно, именно по этой причине мужчины и женщины Западной и Центральной Африки, практикующие магию (*juju*), используют современные/научные технологии (смартфоны, планшеты, iPad и т. д.) наряду с тем, что некоторые предпочитают называть «африканской электроникой». Сочетание традиционной и современной магии (*juju*) люди используют для самоактивации и расширения своего влияния, а также для того, чтобы встречаться с клиентами и обслуживать их, находясь за пределами своего местожительства – деревни или города, возможно, даже на другом континенте.

Опора на магические артефакты и практики *juju* – амулеты, заклинания и ясновидение – может показаться примитивной и иррациональной. Однако это часть спектра возможностей, из которого мы черпаем нашу агентность, учитывая факт нашей незавершённости. В этом отношении, как отмечалось выше, магия (*juju*) мало чем отличается от знакомых нам технологий, которые расширяют наши возможности и считаются более научными, рациональными и современными – таких как фотография, компьютеры, интернет, мобильные телефоны, смартфоны, СМИ, социальные сети, книги, электричество, стиральные машины, искусственный интеллект, ядерное оружие и т. д. Например, обычный поиск в Google по слову *marabout* (духовный наставник, марабут) во Франции, Канаде или Бельгии приведёт вас не только к веб-сайтам и контактным данным об этих специалистах в Сенегале, Мали или Нигере, но и к их офисам, агентам, телефонным номерам и графикам работы за границей. В Камеруне нередки случаи, когда прорицатели призывают диаспорических камерунцев с помощью компьютеров, смартфонов и планшетов решить проблемы, связанные с прошлыми отношениями.

### > Магия – необходимое зло?

В современную эпоху цифровых технологий и растущего могущества алгоритмов мы видим, какой феноменальной властью обладают разработчики программного обеспечения, и это вызывает в нас тревогу. Теперь хакеры имеют возможность удаленно устанавливать шпионское ПО на наши смартфоны, что позволяет получать доступ ко всему контенту, включая зашифрованные сообщения, а также удалённо управлять микрофоном и камерой без нашего ведома. Такие производители программ-шпионов ничем не отличаются от спиритических медиумов Западной и Центральной Африки, которые на виду у публики погружают своих клиентов в пьянящее безумие вседозволенности.

Поскольку жизнь полна иерархий, основанных на неравенстве, существует неравенство и иерархические структуры среди практиков магии (*juju*). Чем сильнее магические способности конкретного человека, тем больше у него возможностей менять свою сущность, видеть, создавать или чуять тем или иным образом вещи, материальные и нематериальные предметы, а также контролировать других людей, вещи, события и явления, влиять на них. Чтобы максимизировать свои возможности, человек можно использовать каждый магический артефакт *juju* отдельно или в сочетании с другой магией. Обладая хорошим артефактом *juju*, например дроном-беспилотником, можно дистанционно – без физического присутствия – эффективно воздействовать на людей из любви или из ненависти, с хорошими или плохими намерениями. Ничто не заставляет осознать эти возможности лучше, чем использование смартфона – одного из самых сенсационных модных артефактов *juju* – со всеми его приложениями и контактами, беспроводным доступом по Wi-Fi и Bluetooth. Этот ресурс незаменим в эпоху социальных сетей, коммуникационных сверхвозможностей и растущего императива принадлежности к социальной группе.

Тем не менее, несмотря на всю их противоречивость и управляемость, без техники и технологий – артефактов *juju* – жизнь была бы очень обыденной, предсказуемой и рутинной. Она лишилась бы захватывающих приключений и амбиций, которые приносит постоянное креативное развитие магических инструментов *juju*. Сама идея творческих инноваций исчезла бы, если бы люди и общества потеряли способность импровизировать и преображать себя. Потребность в новом подчеркивает значимость магии (*juju*) в обществе и социальных отношениях. Индивиды и коллективы используют магию (*juju*), чтобы влиять на ситуации, убеждать других и контролировать происходящее, а также преодолевать или усугублять неблагоприятные факторы так, как не смогли бы без магического репертуара *juju*.

Повсеместное распространение магии (*juju*) следует связывать с идеей о том, что власть не принадлежит кругу избранных, а на самом деле представляет собой что-то, что приходит и уходит, часто без предупреждения. Каким бы могущественным ни был человек, он всегда стремится усилить своё влияние на мир с помощью усовершенствованных частей тела и дополнительных чувств, с одной стороны, и магии *juju* (техники и технологии), с другой. Это должно мотивировать нас к тому, чтобы культивировать и пропагандировать восприятие внешнего мира как части себя, а себя – как части мира. ■

Адрес для связи: Фрэнсис Нямнджо <[francis.nyamnjoh@uct.ac.za](mailto:francis.nyamnjoh@uct.ac.za)>

# > Как занимаются социологией на Филиппинах

**Филомин К. Гутьеррес**, Филиппинский университет, Филиппины, член исследовательских комитетов МСА по социологии девиантности (ИК29) и проблемам женщин, гендера и общества (ИК32)



**В** этом номере «Глобального диалога» представлены размышления членов Филиппинского социологического общества о таких различных феноменах, как урбанизация и управление, движение ЛГБТ, насилие в войне с наркотиками, публичная социология в поддержку бедных слоев населения и маргинализация региона Минданао. Представляя три различных региона (или три группы островов): Лусон, Висайя и Минданао, социологи обсуждают свои исследовательские интересы и осмысливают проблемы, с которыми сталкивается сегодня филиппинское общество.

Луи Бенедикт Игнасио посвящает свою статью проблеме урбанизации на Филиппинах, анализируя динамику метрополитанизации Манильского агломерата - разрастание городов, образующих регион национальной столицы. Рост закрытых жилых комплексов объясняется стремлением их привилегированных жителей к экономической и физической безопасности в условиях роста бедности и распространению трущоб. Игнасио объясняет кризис урбанизации не только общими проблемами управления ресурсами и транспортом, но также социальной сегментацией и проблемами администрирования.

Джон Эндрю Евангелиста показывает, как квир-теория помогает понять идеологическую дифференциацию движения ЛГБТК на Филиппинах. Различия в идеологии обусловили различие в повестке, которые варьируются от поддержки антидискриминационных законов и призывов трансформировать текущую экономическую систему до правил проведения Прайд-парада. Исследователь показывает, что идеологические различия между сегментами движения исторически обусловлены и не предполагают антагонизма интересов.

Гутьеррес в своей статье обсуждает насилие в войне с наркотиками, в результате которого на Филиппинах погибли тысячи «наркоманов». Филиппинская общественность поддерживает кампанию по борьбе с наркотиками. Это происходит, несмотря на жалобы на нарушение прав человека и свидетельства арестованных о насилии со стороны полиции. При этом сотрудники полиции искренне считают, что проводимая властями политика является лучшим способом решения проблемы наркотиков. По-

скольку тема по-разному раскрывается в нарративах, в зависимости от того, на чём сфокусировано внимание, социальные исследователи должны выходить за рамки дебатов между криминальным популизмом – подходом, который защищает карательные меры в отношении преступности, опираясь на общественные настроения, и криминальным элитизмом – взглядом, который отдаёт предпочтение научному или экспертному мнению о преступности и расценивает общественное мнение как упрощённое.

В статье Фиби Зои Марии Санчес подвергается критическому анализу авторитарный популистский режим президента Родриго Дутерте, который стал результатом поражения революции народной власти в 1986 году, ориентированной на демократические преобразования, и который воспроизводит (если не ухудшает) фашистские черты, проявившиеся во время диктатуры Маркоса. Санчес считает, что задача публичной социологии в этих условиях заключается в поддержке организаций, объединяющих бедных граждан, раскрытие культуры молчания, развитие мотивации гражданского участия и влияние на государственную политику.

Наконец, Марио Агуджа пишет о маргинализации Минданао – региона на юге Филиппин в условиях гегемонии Манильской агломерации на Севере как *de facto* центра экономической, политической, военной и культурной власти. Исследователь проблематизирует отношения центра и периферии и в отношении развития самой социологии. Дискурс филиппинской социологии ограничивался темами, представляющими интерес для центра страны, несмотря на то что в периферийном регионе Минданао развивается мусульманско-христианский конфликт, зашкаливает уровень крайней бедности и процветает насильтственный экстремизм, которые должны стать важными темами социологического анализа. Чтобы преодолеть такое предвзятое отношение, недавно Филиппинское социологическое общество совершило решающий поворот к Минданао и стало проводить ежегодные конференции в этом регионе. В результате социология Минданао попала в центр общенациональной дискуссии.■

Адрес для связи: Филомин К. Гутьеррес <[fkgutierrez@up.edu.ph](mailto:fkgutierrez@up.edu.ph)>

# > Городские исследования на Филиппинах: социология как якорь

**Луи Бенедикт Р. Игнасио**, Университет Санто-Томас, Филиппины, член исследовательских комитетов MCA по социологии образования (ИК04) и региональному и городскому развитию (ИК21)



Большая Манила, где часто можно видеть неформальные поселения – это мегаполис с самой большой плотностью населения в мире. Фото: Рон Паоло Веларде.

Городские исследования на Филиппинах зафиксировали быстрый рост городов с 1980-х годов, когда столица Манила и прилегающие к ней поселения начали расширяться в экономическом и политическом отношении. До этого времени районы, в настоящее время заполненные высотными зданиями, закрытыми жилыми комплексами и оживлёнными улицами, были покрыты зелёными полями и соединяли водные и речные системы. Но по мере роста населения в этих районах потребности поселений также эволюционировали, и их развитие уже не могло обеспечиваться за счет собственных ресурсов. Эти перемены привели к необходимости более сложного управления экономической, политической и социальной жизнью поселений, а также к развитию дискуссии о городской жизни. Раз-

личные аспекты городской жизни, в том числе жилищное строительство и застроенная окружающая среда, сегрегация в соответствии с экономическим статусом, криминализацией и наличием властных ресурсов – всё это потребовало специальных знаний о городе.

Для решения обозначенных проблем в политическом аспекте государство делегировало некоторые из своих функций местным органам власти - местной администрации. На Филиппинах процесс децентрализации предусмотрен Кодексом местного самоуправления 1991 года. В соответствии со статьей 24 Кодекса государство передало ряд функций органам местного самоуправления, которые должны были предоставлять жителям минимальный набор социальных услуг и гарантировать условия прожи-

&gt;&gt;



Река Пасиг в Большой Маниле. Ее вода не предназначена для питья. Фото: Рон Паоло Веларде.

вания в соответствии с установленными национальной политикой принципами и стандартами. В соответствии со статьей 25 Кодекса, органы местного самоуправления должны предоставлять базовые услуги (доступ к адекватным средствам связи и транспортного сообщения), вспомогательные услуги и условия для получения образования, полицейский контроль и противопожарную защиту, а также условия для развития местных гражданских инициатив.

На Филиппинах концепция метрополитанизации городских районов и городского управления начала разрабатываться в начале 1970-х годов. Ее целью стала координация предоставления социальных услуг трём городам и тринацати муниципалитетам Манильской агломерации. Первый городской руководящий орган на Филиппинах был создан в 1975 году на основании президентского указа № 824. Им стала Комиссия Манильской метрополии, действовавшая с 1975 по 1986 год. Её функции заключались в координации таких служб, как управление дорожным движением и транспортным сообщением, контроль стихийных поселений и сохранение чистой и зелёной окружающей среды. В 1995 году на основании республиканского закона № 7924 было создано Управление по развитию Манильской метрополии, которое осуществляет функции планирования, надзора, координации, регулирования и интеграции семнадцати городов и муниципалитетов с целью предоставления основных услуг. Основные услуги, предоставляемые администрацией метрополии, включают: разгрузку дорожного движения и обеспечение эффективности перевозок; организацию труда; мониторинг загрязнения; борьбу с наводнениями и сточными водами; преобразование города, зонирование и планирование землепользования, здравоохранение и санитарию; а также общественную безопасность, включающую спасательные операции.

Если двадцатый век характеризовался господством урбанизации, то в двадцать первом веке она уступает место метрополитанизации как новейшему комплексному подходу к городскому управлению и администрации. Урбанизация сопровождалась ростом городской бедности, вызванной низкими доходами и ограничением возмож-

ностей трудоустройства в городах, где население продолжало расти за счёт естественного прироста и благодаря протоку мигрантов из сельской местности. Эти процессы привели к распространению трущоб в городах. Нехватка питьевого водоснабжения и санитарии, проблема вывоза отходов также были спровоцированы стремительной урбанизацией, что привело к ухудшению состояния окружающей среды. Неадекватность инфраструктуры и дефицит транспортного обеспечения в городах привели к транспортному коллапсу, ограничивающему экономический рост. В свою очередь, все эти городские проблемы способствовали разрушению социальной структуры городов. Этот процесс начался с конца 1970-х годов, со временем восстановления демократии на Филиппинах, и достиг своего пика в начале 1990-х годов; его последствия ощущаются вплоть до настоящего времени.

В своей работе я стремлюсь представить обзор городских исследований на Филиппинах, в особенности проводимых в Манильской агломерации. Сначала я изучал, как межгородское национальное ведомство, Управление по Манильской агломерации, решает проблему управления дорожным движением. Я пришел к выводу, что политическая динамика представителей органов местного самоуправления и должностных лиц национального ведомства сыграла важную роль в решении этого сложного вопроса. Далее изучая сообщества закрытых жилых комплексов (*gated communities*) Большой Манилы я показал, что они выполняют функции экономической и физической безопасности. Я проанализировал динамику обеспечения безопасности в городских условиях и пришел к выводу, что частные закрытые жилые комплексы, управляемые ассоциациями частных домовладельцев, предоставляет своим жителям более высокий уровень безопасности, чем в состоянии представить местная администрация широким слоям населения. Если рассматривать это явление сквозь призму неолиберализма и нового управления, то мы увидим, что оно приводит к подрыву легитимности органов местного самоуправления, монополизируя предоставление услуг, в то же время, все более побуждая городских жителей, принадлежащих к высшему классу, поддерживать такую жилую среду.

Учитывая рост населения Большой Манилы, которое прирастает ежегодно на 1,7%, как и в других мегаполисах мира, важно, чтобы перспективы изучения городских районов были более разнообразными. Городские исследования на Филиппинах посвящены разным аспектам: здравоохранению, городскому планированию и дизайну, политике и управлению, социальному неравенству, а также рискам и катастрофам. Для Большой Манилы, в которой проживает 12,8 миллиона человек и где показатель плотности населения является одним из самых высоких в мире, социология может послужить фундаментальной основой для понимания отношений между людьми и их окружающей средой. Социология может быть якорем, который свяжет проблемы с их возможными решениями, основанными на научных исследованиях и глубоком изучении города. ■

Адрес для связи: Луи Бенедикт Р. Игнасио <[lignacio@ust.edu.ph](mailto:lignacio@ust.edu.ph)>

# > Изучая конфликты сквозь призму квир-теории

**Джон Эндрю Евангелиста,** Филиппинский университет Дилеман, Филиппины,  
член исследовательского комитета МСА по проблемам женщин, гендера и общества (ИКЗ2)



Как выглядят Филиппины, если на них посмотреть через призму квир-позиции? Источник: Wikimedia Creative Commons.

В своей книге *Global Divas* (2003) Манаалансан рассказал историю о живущем в Нью-Йорке филиппинском гее, который разделил свою квартиру на две части. В одной части жилого пространства был помещен алтарь с католическими религиозными символами, в другой – изображения обнаженных мужчин. Так религиозное наследие испанского колониализма с Филиппин переместилось в город, предоставляющий относительную свободу людям ЛГБТК. Этот случай не только демонстрирует квирность как нарушение привычного порядка, обусловленное встречей гей-культуры с религией в одном пространстве. Он также выявил, как социальные и исторические условия способствуют созданию такого рода беспорядка.

## > Между двух огней

Исследователи квирности часто оказываются в пространствах противоречий и конфликтов. Часто они ощущают себя центром противоположных интерпретаций. В своём исследовании истории движения ЛГБТК на Филиппинах я обнаружил, что нахожусь в центре идеологического напряжения между активистами. Не секрет, что общественные движения никогда не бывают однородными. Активисты, придерживаясь различных идеологий, часто понимают свои требования по-разному и действуют различным образом. Именно с такой напряженностью сталкиваются исследователи истории ЛГБТК.

Мой опыт участия в организации мероприятий для людей ЛГБТК на Филиппинах в качестве исследователя и активиста показал мне, что существует напряженность между различными сегментами движения. Одни выдвигают на первый план необходимость принятия законов; другие связывают гендерное и сексуальное освобождение с социалистическим переустройством общества; третья считают гомофобию и мизогинию продуктами индивидуального сознания, и это побуждает их бороться за образование, сензитивное к гендерной проблематике. И наконец, представители ещё одного сегмента движения считают, что существует пересечение названных проблем и избегают аргументов, основанных на одной причине и одном решении.

Эти напряженные отношения можно понять с помощью квир-теории. Сосуществование различных идео-

**К**огда квир-теория только появилась, она направила наше видение на понимание, если не прославление, оппозиционного. Подвергая критике ортодоксальность патриархата и гетеронормативности, квир-исследования выявили события, феномены, идентичности и культуры, которые бросают вызов жёстким бинарностям гендера и сексуальности. Квир-теория искала логику, которая подрывает существующие иерархии. С этой точки зрения быть квир значит быть подозрительным в отношении всего, что напоминает нормальность.

Антropолог Мартин Манаалансан использует квир-концепцию для осмыслиения неупорядоченности. Задача исследователя состоит не просто в том, чтобы выявлять действия и мысли, не вписывающиеся в нормативную рамку. Его миссия состоит в том, чтобы анализировать различные варианты пересечения отклонений и нормы. В таком случае квирность можно понимать как те неупорядоченные пространства, где действуют одновременно казалось бы конфликтующие логики. Такой подход является единственным основанием понимания социальных и исторических условий, в рамках которых акторы сталкиваются и обсуждают, казалось бы, противоречивые значения, интерпретации и даже идеологии.

логий в рамках одного движения обычно характеризует движение как неупорядоченное, поскольку различные идеологические логики вступают в противоречие друг с другом. Конфликт идеологий становится особенно заметным во время Прайд-маршей в Манильской агломерации. Участники марша выдвигают различные лозунги, сформулированные в рамках соответствующих идеологий. Одни призывают к принятию конкретных антидискриминационных законов, другие выдвигают на первый план задачи трансформации текущей экономической системы. Третьи даже призывают к прекращению работы по временным контрактам (практика краткосрочного найма), в то время как работники корпораций просто празднуют и танцуют.

Существующее напряжение и разобщенность можно понять, осмыслив социальные и исторические условия, в которых возникло движение. ЛГБТК-организации начали формироваться через несколько лет после падения диктатуры Маркоса в 1986 году, которое стало результатом массовых и продолжительных протестов. Активисты, более не преследующие цель свержения диктаторского режима, начали вести работу по различным направлениям. Принятие Конституции 1987 года, направленной на защиту гражданских прав, ускорило создание законно действующих организаций, занимающихся широким кругом вопросов, включая, в частности, вопросы сексуальной и гендерной справедливости.

Одновременно с новыми организационными возможностями возник идеологический раскол у филиппинских левых. Одна группа левых утверждала, что феодализм сохраняется как сила, питающая угнетение. Другие группы отказались от такой интерпретации, признали открывшиеся благоприятные политические возможности и использовали их для борьбы за прогрессивную повестку. Кроме того появились организации, которые отказались формулировать проблемы с позиции классового анализа. Ак-

тивисты ЛГБТК, происходящие из различных сегментов левого движения, придерживались различных политических убеждений, что усилило идеологическое разнообразие внутри движения.

### > Актуальность квир-теории

Квир-теория может помочь сделать дискуссию внутри движения более продуктивной. Среди некоторых ЛГБТК-сообществ существует тенденция отказываться от переговоров с другими организациями, особенно в тех случаях, когда их взгляды расходятся. Такая позиция основывается на логике, согласно которой идеологические различия являются существенными, естественными и само собой разумеющимися. Некоторые участники движения даже говорили мне, что попытки навести мосты, скорее всего, будут неудачными, поскольку идеологии настолько укоренились, что они всегда будут препятствовать позитивному восприятию определённых групп.

Я считаю, что в таком контексте квир-теория представляет собой эффективный подход. Вместо того, чтобы рассматривать политические убеждения как естественно противоречивые, я интерпретирую их как результат исторического развития. Преимущество квир-теории заключается в её способности развивать эмпатию по отношению активистам, являющимися носителями различных идеологий. Прислушаться к призыву квирности - значит действовать тактически. Мы должны отказаться от понимания идеологических противоречий как само собой разумеющихся и рассматривать их как продукты конкретных исторических условий. Только тогда мы сможем применить одну идеологию, которая работает в данный момент, и не отказываться от использования другой, если возникнет такая необходимость. ■

Адрес для связи: Джон Эндрю Евангелиста <[jgevangelista@up.edu.ph](mailto:jgevangelista@up.edu.ph)>

# > Противоречивые нарративы о войне с наркотиками на Филиппинах

**Филомин К. Гутьеррес**, Филиппинский университет, Филиппины, член исследовательских комитетов МСА по социологии девиантности (ИК29) и проблемам женщин, гендера и общества (ИК32)

**К**огда Родриго Дутерте занял пост президента страны в июле 2016 года, на филиппинские сообщества сразу же обрушилась война с наркотиками. В ходе кампании сотрудники филиппинской национальной полиции уговаривали потребителей наркотиков добровольно сдаться и пообещать отказаться от этой привычки. Всего лишь за шесть месяцев более миллиона «наркоманов» сдались администрации Дутерте. Антинаркотическая кампания получила широкую известность как «Оперативный план *Tokhang*», сокращённо от *toktok* и *hangyo*, что по-себуански означает соответственно «стучать» и «призывать». С 2016 года термин *tokhang* становится эвфемизмом для обозначения убийств без суда и следствия, совершённых либо властями, либо членами дружин по борьбе с наркотиками.

Рост числа жертв войны с наркотиками вызвал критику со стороны правозащитных организаций. Официальные источники сообщили, что по состоянию на июль 2019 года в ходе полицейских операций было убито около 5 375 лиц, связанных с наркотиками. По оценкам правозащитных организаций, общее число погибших, включая жертв убийств без суда и следствия, превышает 25 000 человек. В феврале 2018 года Международный уголовный суд начал расследование в отношении Дутерте по обвинению в преступлениях против человечности. Опросы общественного мнения, проведённые Центрами изучения социального климата (*Social Weather Stations*) в конце 2019 года, показали, что 75% филиппинцев считают, что в ходе выполнения оперативного плана *Tokhang* происходили многочисленные нарушения прав человека.

Война с наркотиками вызвала огромный интерес у филиппинских социальных исследователей, большинство которых чувствительны к перспективе прав человека. Противоречивые оценки числа погибших, расхождения в оценке масштабов и серьёзности проблемы наркотиков резонировали с дискуссиями, посвященными моральным и политическим аспектам кампании по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. В дебатах участвовали представители власти, правозащитники и эксперты (включая социальных исследователей).

Нарративы арестованных и вдов погибших, повествующие о переживаемых страданиях, характеризуют фон новой филиппинской реальности, пронизанной насилием. Эта реальность определяется следующим парадоксом. С одной стороны, действующий политический и уголовный режим правосудия подвергает употребление

наркотиков чрезмерной стигматизации. С другой стороны, арестованные, СМИ и большая часть общественности производят дискурс «нормализованного распространения» наркотиков, используя при этом термин *talatmak* (хронический).

В своих исследованиях я стремилась разобраться в противоречивых нарративах обвиняемых в преступлениях, связанных с наркотиками, в частности с метамфетамином (известном как *shabu*). Я взяла интервью у 27 мужчин, отбывающих срок заключения. Большинство информантов – представители рабочего класса молодого, среднего или старшего возраста – были арестованы в первый год реализации Оперативного плана *Tokhang* по обвинениям, связанным с наркотиками. Они утверждали, что были арестованы незаконно, что полицейские подложили улики, и с ними плохо обращались или пытали, чтобы они признали свою вину. Они описали свое положение как *walang kalaban-laban* (беззащитные) против полиции, которая силой ворвалась в их жилища. Несмотря на своё трагическое личное положение, многие из них по-прежнему поддерживают антинаркотическую кампанию Дутерте, поскольку она предлагает решение проблемы распространения наркотиков, которая долгое время игнорировалась властями.

Очевидно, что «наркопреступники» в значительной степени являются частью той «карательной популистской» общественности, которая поддержала избрание Дутерте на пост президента в 2016 году. Моральная паника по поводу растущего числа наркозависимых и снижения территориальной безопасности внесла вклад в возрождение карательного популизма – термин, предложенный Джоном Праттом для политики, которая применяет более тяжёлые карательные меры против преступности, основанные на общественных настроениях, а не на фактических доказательствах или мнениях экспертов. Феномен массовой поддержки карательного популизма демонстрируют опросы общественного мнения, опубликованные Центрами изучения социального климата в конце 2019 года, которые показывают, что удовлетворены президентством Дутерте 72% филиппинцев, а его войной с наркотиками – 70%.

До президентства Дутерте исследования Гидеона Ласко показали, что молодёжь филиппинского портового сообщества использовала *shabu* для повышения производительности (*ratpagilas*) в своей работе в неформальном секторе (например, продавцы, носильщики, секс-работники). Аналогичным образом, участники

# “Проблему наркотиков на Филиппинах нельзя сводить к битве между хорошими и плохими парнями, между наркоманами и теми, кто ими не является, между хорошими и плохими полицейскими”

моего исследования признались в том, что используют *shabu* для восстановления сил и поддержания режима бодрствования на работах с ненормированным графиком занятости или на работах, которые считаются престижными (например, водители грузовиков и джипов, строители). Такие информанты отказались называть себя «наркоманами», потому что, по их убеждению, они могут воздержаться от употребления в любое время, когда захотят, и не позволяют этой рутинной привычке стать зависимостью. То, что они покупают наркотик на собственную зарплату, а не на средства, полученные в результате кражи, грабежа или любого другого преступления, придаёт *shabu* легитимность потребительского товара на открытом рынке. Таким образом, употребление *shabu* не должно рассматриваться как досуговая практика или способ ухода от реальности, что характерно для субкультурных теорий зависимости. Необходимо учитывать его функцию как основного средства борьбы со стрессами нищеты и экономической нестабильности.

Несмотря на то, что участники исследования оправдывали своё употребление наркотиков, в конце концов, они признали, что *shabu* является «разрушителем семей», «источником преступности», «в конечном счёте, злом» и «национальной проблемой», которая должна быть искоренена. Один из ключевых аспектов их повествования заключался в том, что дезинформированная полиция совершила ошибку, арестовав их, вместо того, чтобы преследовать тех, кто действительно виновен: наркоманов, которые совершают тяжкие преступления, порождаемые порочной зависимостью; торговцев, жаждущих денег, которые их эксплуатируют; коррумпированных полицейских, которые вымогают деньги у наркоманов и торговцев.

Мои пилотные интервью с сотрудниками полиции, посвященные Оперативному плану *Tokhang*, также свидетельствуют о том, что правозащитные организации не понимают их опыта, а СМИ интерпретируют его превратным образом. Работники полиции говорили о своей убеждённости в выполнении мандата и идеалах защиты страны и её граждан от наркотической угрозы, «которая, похоже, не заканчивается». Хотя полицейские признают, что наркотики действительно заполняют ва-

куум, созданный бедностью, и что наркобароны экономически эксплуатируют зависимое и обедневшее население, они также рассматривают наркозависимых как комбатантов, имеющих оружие и готовых нанести ответный удар. Что ещё более важно, они осмысливают Оперативный план *Tokhang* как кампанию, которая выявила «истинную глубину проблемы наркотиков», которая «серьёзно коррумпирует полицейские ряды». Если использовать методологию выявления «глубинной истории», предложенную Арли Хохшилд для изучения опыта правых американских республиканцев для моего материала, то мы увидим следующее. «Глубинная история», восстановленная по нарративам «наркопреступников» будет коренным образом отличаться от описания филиппинской реальности, восстановленной на основе анализа нарративов сотрудников полиции.

Социальные исследования войны с наркотиками на Филиппинах действительно могут внести вклад в разработку политики, основанной на достоверных фактах, независимо от того, предполагают ли они методологическую экспертизу количественного определения уровней зависимости, реконцептуализацию типологий употребления наркотиков или интерпретацию общественного мнения о преступности. Социология должна соблюдать осторожность в отношении перспектив, предлагающих двойственное видение, сводящее проблему наркотиков на Филиппинах к битве между хорошими и плохими парнями, между наркоманами и теми, кто ими не является, между хорошими и плохими полицейскими. Что ещё более важно, социологи, исследующие войну с наркотиками, должны воздерживаться от позиции карательного элитизма. (Этот термин Виктор Шаммас использует для обозначения завышенной оценки научного или экспертного мнения и недооценки мнения общественности, считающегося эмоциональным, иррациональным или упрощённым.) Такая саморефлексия предусматривает, что социологи признают различия нарративов внутри групп социальных акторов и между предполагаемыми лагерями политического и морального спектра, образующими общественность. ■

Адрес для связи: Филомин К. Гутьеррес <[fkgutierrez@up.edu.ph](mailto:fkgutierrez@up.edu.ph)>

# > Достижения публичной социологии на Филиппинах

**Фиби Зои Мария Санчес, SMAG/CriDIS, Католический университет в Лувене, Бельгия;  
Филиппинский Университет Себу, Филиппины, член Исследовательского комитета МСА по  
политической социологии (ИК18)**



В уличном протесте против Закона о чрезвычайном положении принимают участие представители религиозных, научных и гражданских организаций. 2018 г.

**Р**ежим Дутерте порождает горы мертвых тел (Rappler, декабрь 2018 г.). Если говорить более конкретно, этот режим вместе с сетью феодальных политических семей и компрадоров на государственной службе, поддерживающих его наряду с филиппинской полицией и военной государственной бюрократией, приступил к осуществлению впечатляющей схемы политического урегулирования. Её реализация видна на примере того, как Дутерте мобилизовал большинство членов Палаты представителей Филиппин и в 2018 году сместил с поста главного судью страны.

Учёные назвали режим Дутерте «авторитарным популизмом», учитывая то, что, несмотря на открытый призыв к «убийству» как политической стратегии в борьбе с преступностью, он продвигает некоторые популярные и прогрессивные программы развития. При этом в основе режима лежит политическая динамика, характерная для откровенной и обнажённой формы авторитаризма. В последнее время в филиппинских городах и поселках усиливается политика полицейского, военного и милитаризированного преследования, поскольку режим

проводит грязную политику фальсификаций на выборах, взяточничества и коррупции. Этот режим способствует росту внесудебных убийств и сопровождается травлей в духе маккартизма, которая используется как оправдание уничтожения социальных активистов, религиозных деятелей, правозащитников, юристов, преподавателей, профессоров университетов, крестьян, молодежи и других.

Со временем режима диктатуры Маркоса филиппинская социология использует практики публичной социологии как ответ на невидимость социальных исследований для филиппинской общественности. Это внимание к публичной социологии связано с убежденностью социальных исследователей в том, что филиппинское общество переживает кризис режима перманентной диктатуры, который утвердился во время президентства Маркоса и продолжает свое существование при режиме Дутерте. Публичные социологи выдвигают на первый план обсуждение Революции народной власти 1986 года, которая свергла диктатуру Маркоса, и вопрос о том, действительно ли она открыла путь к демократическому переходу. К сожалению, сейчас кажется изначально ясным, что Революция народной власти не привела к подлинной

демократизации, поскольку через 33 года спустя установился фашистский порядок. Это наводит на мысль о перманентном кризисе авторитаризма и заставляет филиппинскую себуансскую социологию вновь размышлять о том, можно ли назвать период после Революции народной власти временем создания условий для полного демократического перехода или его нужно трактовать как время подготовки диктатуры, возрождённой сегодня. Иначе как объяснить то, что старая авторитарная практика ожила в современных условиях, приводя к ещё более летальным эффектам? Если число убийств при режиме Маркоса достигло чуть более 3000 человек, то в последнее время количество убийств в день составляет в среднем 33 человека, то есть их число превысило 30000 человек за первые три года правления Дутерте (*Rappler*, декабрь 2018 года).

Публичная социология, практикуемая в Филиппинском университете Себу, связывает: а) профессиональную социологию, б) критическую социологию и в) прикладную социологию. Такой подход опирается на модель М. Буравого (2004), который выделил четыре модальности социологической деятельности: профессиональную, критическую, публичную и прикладную социологию. Профессиональная социология обеспечивает механизмы проведения исследований: дает представление о правильным дизайне, релевантных методах и техниках исследования, например о том, как провести кейс-стади, социографию, этнографию, включённое наблюдение, *BMI (basic mass integration)* и т. д. Наличие таких механизмов позволяет в одинаковой мере и дипломированным социологам и студентам проверить свои суждения научными средствами и затем участвовать в дискуссиях, посвященных социальной и публичной политике, социальным институтам, культурам, группам, организациям и процессам взаимодействия людей, работающих вместе. Этот подход предлагает социологам переосмыслить социальные проблемы, распространяя филиппинскую общественную дискуссию на улицы и предоставляя механизмы для записи и публикации моделей выражения общественных интересов. В то время как профессиональная социология опирается на существующую местную политическую практику управления, критическая социология позволяет понять борьбу за власть между группами и внутри групп, вовлечённых в конфликт из-за определённых ограниченных ресурсов. Критическая социология рассматривает структуры власти, позиции доминирующих и доминируемых, выявляет, кто контролирует, а кто находится под контролем. Её конечной целью является создание критической массы, которую можно мобилизовать на реальные демонстрации, организованные для создания общественного движения. Это социальное движение, в свою очередь, становится необходимым движущим фактором для последнего звена, которое оценивает и анализирует содержание и контекст публичной политики в форме прикладной социологии.

Сложное переплетение вышеупомянутых связей создаёт определённое сочетание методов, которые позволяют публичной социологии работать в качестве области производства знания об обществе. Публичная социология вступает в действие, когда динамика демократизации по-

зволяет маргинализованным группам получить доступ к ресурсам и играть важную роль в гражданском обществе и государстве. Сначала публичная социология принимает форму академического упражнения в социологическом воображении, возникая как предмет обсуждения между студентами и преподавателями. Затем она выходит за пределы университетской аудитории, чтобы служить социальным инструментом и механизмом, позволяющим разрушить культуру молчания угнетённых сообществ посредством обширных дискуссий, теоретизирования и социальной инженерии, поддерживая организации бедных, обездоленных, угнетенных, а также индивидов и сообществ, чьи права нарушаются.

Способность социолога создавать модели силовых действий и образцы поведения больших групп является средством разоблачения того, как государство непосредственно и с использованием насилиственных методов защищает интересы правящего класса.

Сегодня на Филиппинах публичные социологи нуждаются в поддержке как предвестники процесса демократизации, потому что Филиппины сталкиваются с постоянным, уже укоренившимся дефицитом демократии и беззаконием. На этот раз, как и в эпоху Маркоса, Филиппинам нужны структуры гражданского общества, способные к самоорганизации и самовоспроизведству, которые были бы добровольными, действительно независимыми от государства и способными выражать общественные интересы, связанные правовым порядком или рядом общих правил. Конечной целью такого проекта является социология общественной демонстрации (*sociology of public demonstration*). Социология общественной демонстрации включает доказательства, инструменты убеждения, транзакционные и координационные механизмы, когнитивный и рациональный аппараты, которые представляются специалистам по социальным проблемам и правозащитникам, с одной стороны, и социальный аппарат мобилизации и конкуренции в виде массы людей или банков голосов избирателей, с другой. Социология общественной демонстрации показывает, насколько действенна и эффективна может быть вовлечённая публичная социология. Массовое участие в демонстрациях является сигналом для формирования инструментов публичной политики, поскольку это коллективное действие является площадкой для оценки политики, проводимой правительством.

Главной целью публичной социологии является обобщение и концептуализация отношений между правительством и управляемыми (Lascombes, Le Galès, 2007; The American Sociologist, 2005). Глобальный Юг продвигает представление о том, что реальное управление опирается на национальную культуру или коммунитарную солидарность. Этот контекст затем учитывается при создании инструментов регулирования, налоговой и коммуникационной деятельности государственных учреждений, подлежащих контролю со стороны гражданского общества и общественной демонстрации. ■

Адрес для связи: Фиби Зои Мария Санчес <[phoebe.sanchez@uclouvain.be](mailto:phoebe.sanchez@uclouvain.be)>

# > Минданао – регион в фокусе филиппинской социологии

**Марио Джойо Агуджа**, Государственный университет Минданао, Филиппины, президент Филиппинского социологического общества, член исследовательских комитетов МСА по вооружённым силам и урегулированию конфликтов (ИК01), социологии старения (ИК11), социологии городского и регионального развития (ИК21), социологии искусств (ИК37), социологии катастроф (ИК39)



Участники конференции Филиппинского социологического общества в Минданао в 2019 году.

Острова Минданао, часто называемые Южными Филиппинами, подверглись серьезной маргинализации в национальной историографии. До испанского завоевания в 1521 году Минданао находился под властью султанатов Магунданао и Сулу. Здесь централизованная система управления и развитая цивилизация сформировались раньше, чем в остальной части страны. В течение трёхсот лет в ходе ожесточённых «войн Моро» султанаты боролись с испанскими колонизаторами и так и не были захвачены. Минданао стал частью Филиппин неожиданно. Это произошло в 1898 году, когда американцы подписали Парижский договор с Испанией; с тех пор регион «был колонизирован на законных основаниях». Однако именно США как имперская держава положи-

ли начало разрушительной колонизаторской деятельности на Минданао, которая привела к экономической, политической и культурной маргинализации региона. Такая историческая несправедливость по отношению к населению Минданао связана с ожесточённой борьбой сепаратистских групп Моро. Нескончаемая борьба также помогает объяснить упадок благосостояния на Южных Филиппинах. Эта несправедливость находится в центре внимания политики справедливости переходного периода и привлекает внимание исследователей вплоть до сегодняшнего дня.

Возвышение Манилы (позже Большой Манилы) на Севере как фактического центра экономической, политической, военной и культурной власти сначала колониального, а

&gt;&gt;

затем и национального режимов закрепило несправедливые отношения центра и периферии в стране. Стремление к миру и децентрализация управления, предоставляющая расширение автономии экономических и политических прав на Юге Филиппин по-прежнему остаются недостижимыми целями. Несмотря на богатство природных ресурсов, на Минданао сохраняется высокий уровень бедности и процветает сепаратизм, в основе которого лежит мусульманско-христианский конфликт. Недавний мир, достигнутый благодаря Соглашению по Бангсаморо 2014 года между правительством Филиппин и Исламским освободительным фронтом Моро (*Moro Islamic Liberation Front*), при сохранении экстремистской угрозы, только усиливает актуальность маргинализированного периферийного статуса Минданао в филиппинской нации как значимого предмета и объекта социологического исследования.

### > Центристский нарратив Филиппинского социологического общества

Национальный нарратив отношений между центром и периферией оказывает влияние на различные сферы развития общества, в том числе, и на академические, научные и профессиональные нарративы. Филиппинское социологическое общество является примером такого влияния. Развитие социологии на Филиппинах было главным образом инициативой центра-метрополии. В составе и руководстве Филиппинского социологического общества доминируют социологи из центра. В журнале *The Philippine Sociological Review* [Филиппинское социологическое обозрение] публиковались долгое время в основном авторы из центра по темам, представляющим интерес для центра. Конференции Филиппинского социологического общества проходили в основном в центральном регионе. Однако в последнее время эта тенденция меняется.

Филиппинское социологическое общество было организовано преимущественно людьми из центра, где в университетах преподавалась социология. Это обстоятельство подтверждается списком членов профессиональной организации и их институциональной аффилиацией. Когда общество было организовано в 1952 году, его члены работали в академических учреждениях, расположенных в Большой Маниле. Они были сотрудниками Университета Де La Саль, Филиппинского женского университета, Филиппинского сельского христианского товарищества, Университета Востока, Колледжа Святого Духа, Союзной богословской семинарии и Филиппинского университета.

Как следствие, руководство Филиппинского социологического общества также осуществлялось из метрополии. За 69 лет существования социологического общества 54 раза президентами были представители Большой Манилы, семь раз жители региона Лусон и восемь раз – представители Минданао. Висайские острова ни разу не были представлены в руководстве организации. Филиппинский Университет и Университет Атено де Манила соревновались друг с другом за руководящие позиции в организации в течение 43 лет, в то время как Минданао представлен в его руководстве всего восемь лет, или 10,29%. Последний раз представители Минданао занимали должность президента в 1980-х годах. И только в 2019 и 2020 годах у представителей Минданао появилась возможность занимать лидерские позиции в обществе социологов и формировать социологический дискурс в стране в свою пользу.

### > Смена мандата

Начиная с 2000-х годов Филиппинское социологическое общество выступает с многочисленными инициативами проведения исследований в регионе Минданао. Это происходит в соответствии с запросом времени, а также потому, что выходцы с Минданао, наконец, вошли в руководство Филиппинского социологического общества. Это дало возможность не только расширить состав Филиппинского социологического общества за счет социологов Минданао, но и познакомить социологическое сообщество страны с дискурсом Минданао как частью национального нарратива. Несмотря на существующие угрозы безопасности, в 2014 году была успешно проведена конференция ФСО в Генерал-Сантосе, самом южном городе Минданао под названием «Кризисы, устойчивость, сообщество: социология в эпоху бедствий». В 2015 году в городе Илиган в северной части Минданао была проведена конференция «Социология мира и конфликта: контекст и вызовы». В некотором смысле это профессиональное событие стало частью политики «справедливости переходного периода». Тема конференциирезонировала с подведением итогов мирного соглашения 2014 года по Бангсаморо между правительством Филиппин и Исламским освободительным фронтом Моро. Её актуальность стала ещё более очевидной после трагического инцидента в Мамасапано, в результате которого были убиты 44 сотрудника спецназа филиппинской полиции. После прихода к власти популиста Родриго Дутерте в 2016 году, первого президента Филиппин – уроженца Минданао, Филиппинское социологическое общество провело конференцию в городе Давао на тему «Воображаемые демократии: трансформация власти и знания в филиппинском обществе». Конференции 2017 и 2018 гг. проводились на Висайских островах, и только в 2019 году ежегодная встреча социологов снова состоялась на Минданао, в провинции Букиднон. Тема конференции – «Гражданство и идентичности».

Конференции на Минданао дали возможность высшим учебным заведениям региона, имеющим социологические программы, выступать в качестве принимающей стороны и стать частью национального нарратива о подготовке новых социологов. Государственный университет Минданао в Генерал-Сантосе выступил в качестве организатора конференции в 2014 году, затем в 2015 году эстафетная палочка перешла к Илиганскому Технологическому институту, а в 2016 году – к Университету Атено де Давао. В 2019 году конференция Филиппинского социологического общества прошла в Центральном университете Минданао и в Букиднонском государственном университете. Социологи Минданао использовали эту площадку для обсуждения результатов своих исследований, развития духа товарищества и участия в трансформации Филиппинского социологического общества в подлинно национальную социологию.

Сегодня филиппинские социологи знают гораздо больше о Минданао, его людях, территории, культурном достоянии и дискурсах. Минданао разрушает гегемонию метрополии и позиционирует себя как «другие Филиппины», достойные критического социологического дискурса и претендующие на лидерские позиции. Благодаря плодотворной работе на Минданао Филиппинское социологическое общество содействует превращению филиппинской социологии в подлинно национальную социальную науку. ■

Адрес для связи: Марио Дж. Агуада <[mario.aguaja@msugensan.edu.ph](mailto:mario.aguaja@msugensan.edu.ph)>

# > Глобальная социология в период пандемии

**Джеффри Плейерс**, Католический университет Лувена, Бельгия, вице-президент МСА по исследованиям, бывший президент исследовательского комитета МСА по социальным классам и социальным движениям (ИК47), член исследовательских комитетов МСА по социологии религии (ИК22), социологии молодёжи (ИК34) и социальным движениям, коллективным действиям и социальным изменениям (ИК48)



Пандемия COVID-19 – это мировой социальный, экологический и политический кризис, который должна изучать глобальная социология. Источник: Creative Commons.

**К**оронавирус возвращает науку в центр публичного пространства даже в тех странах, где популистские лидеры делегитимизировали её. Эпидемиологи, врачи и биологи приводят нам неопровергимые факты: пандемия прогрессирует каждый день, и она намного хуже, чем «сильный грипп». Социологи представляют нам факты, которые являются столь же жёсткими и неоспоримыми: хотя сам вирус может заразить любого из нас, сталкиваясь с ним, мы находимся в неравном положении. Государственная политика в области здравоохранения и социальное неравенство значимы, по крайней мере, так же, как и то, как наши тела реагируют на вирус, когда речь идёт о его смертельных последствиях. Социологи показывают, что пандемия COVID-19 – это не только санитарный кризис, но также социальный, экологический и политический.

Пандемия формирует тенденцию «деглобализации». Государства за-

крывают свои границы. Путешествия резко идут на спад. Крупные международные мероприятия, такие как Форум МСА, отменены или перенесены. В приоритете национальных правительств – обеспечение доступа к медицинскому оборудованию и предметам первой необходимости для «своих граждан». Социальные науки часто следуют этому пути и сосредотачиваются на национальном уровне исследований. Учёные и эксперты проводят национальные статистические исследования, анализируют дифференцированное влияние вируса в стране по критериям класса и расы, осуществляют мониторинг реакций правительства на кризис и участвуют в общенациональных общественных дебатах.

Возвращение методологического национализма является парадоксом, поскольку пандемия COVID-19 представляет собой абсолютно глобальное явление. Её не останавливают закрытые границы, и это демонстрирует, насколько глубока

наша взаимозависимость. Международное сотрудничество имеет решающее значение в борьбе с пандемией. В области медицины и естествознания, безусловно, необходимо достигнуть лучшего понимания самой природы вируса, усовершенствовать лечение и разработать вакцину. Международное сотрудничество не менее важно и в социальных науках. Нам нужно извлечь уроки из опыта пандемии других стран и регионов мира. Такая глобальная перспектива не должна приводить к «методологическому глобализму» и ограничиваться макроанализом. Чтобы быть полезными во время пандемии, мы должны способствовать глобальному диалогу между учёными-социологами из разных регионов, полностью погружёнными в свою реальность, которая является одновременно локальной, национальной, региональной и глобальной.

Несмотря на то что политики часто отводят второстепенную роль соци-

альным наукам, их вклад в борьбу с пандемией коронавируса столь же важен, как и вклад многих естественных наук. В основном он формируется в рамках четырёх дискуссий.

## 1. Пандемия как социальный кризис

Социологи показывают, что, хотя вирусом может заразиться каждый человек, пандемия влияет на нас по-разному, а способ лечения вируса тесно связан с социальными факторами. Пандемия COVID-19 усугубляет социальное неравенство и обнажает социальные структуры, особенно по признакам класса, расы и пола. Интерсекциональный подход является ключевым для понимания того, как переживается кризис, и почему наше положение в нём характеризуется неравенством и несправедливостью. В странах, где нет мощной системы социального обеспечения, или в трущобных районах, санитарный кризис быстро трансформируется в гуманитарный кризис, приводящий к смертельным последствиям, поскольку национальные и международные гуманитарные организации не могут функционировать в обычном режиме.

## 2. Политика в отношении пандемии COVID-19

Вторая дискуссия рассматривает, как политики и политические режимы справляются со вспышкой пандемии. Национальные государства заявили о себе в качестве основных субъектов, отвечающих за борьбу с пандемией. Международные институты, в том числе ООН и Европейский Союз, исчезли в глобальном кризисе. Пандемия выявляет сильные и слабые стороны национальных политических систем. Недостаточная эф-

ективность работы национального правительства или повторяющиеся высказывания со стороны государственного лидера, насмехающегося над пандемией и откладывающего меры по локализации, приводят к сотням дополнительных смертей. Столкнувшись с пандемией, каждое правительство формирует свою собственную некрополитику. Большинство из них не может обеспечить базовую защиту от распространения вируса среди работников здравоохранения. Посредством проводимой политики правительства предоставляют одним людям меньше возможностей справиться с вирусом, чем другим, в то время как те, кто умирает в домах престарелых, не учитываются государственной статистикой большинства стран.

Пандемия и изоляция трансформируют отношения между гражданами и правительством. Граждане обращаются к национальным правительствам за защитой, получением лечения и ухода, а также рекомендациями по поводу пандемии. Многие из них принимают меры усиления социального контроля со стороны государства и новые технологии наблюдения и распознавания лиц как легитимную цену за контроль над пандемией.

## 3. Как реагирует общество

В рамках третьей дискуссии социологи рассматривают то, как индивиды и гражданское общество справляются с кризисом. Учёные исследуют глубокое влияние изоляции на жизнь людей, субъективность и социальные отношения. Межпоколенные отношения приобретают новые формы и значения. Цифровые технологии играют главную роль в поддержании социальных отношений. Меры социального дистанци-

рования ставят под угрозу солидарность и часто сокращают границы сообщества, в котором она существует. Хотя в районах и городах формируются новые сети солидарности, мы также являемся свидетелями сужения солидарности до закрытых национальных сообществ или семей.

## 4. Приведёт ли кризис к созданию нового мира?

Четвёртая дискуссия касается долгосрочного влияния пандемии. Будучи глобальным кризисом, пандемия COVID-19 открывает горизонты возможностей и может стать шансом изменения мира. Многие социологи подчёркивают необходимость создания мира, который был бы более чувствителен к людям, заботе и социальному неравенству, а также обладал более мощными системами общественного здравоохранения. Тем не менее, кризис может также открыть дорогу другим моделям общественного устройства. До сих пор в управлении кризисом превалирует рост конкуренции, а не создание новых форм солидарности. Внушительные пакеты экономической помощи ориентированы на спасение национальных корпораций, а не на усиление системы здравоохранения. Пандемия может также проложить путь новой авторитарной эре, когда биополитика будет основана на новых технологиях.

Преодоление пандемии COVID-19 человечеством будет зависеть от медицины и науки, особенно от разработки вакцины, а также от того, как общество, политики и граждане справляются с этим кризисом и что они предпринимают для нашего будущего мира. ■

Адрес для связи: Джейфри Плейерс  
[<Geoffrey.Pleyers@uclovain.be>](mailto:Geoffrey.Pleyers@uclovain.be)

# > COVID-19: первые уроки текущей пандемии

Клаус Дёрре, Йенский университет, Германия



Пандемия нанесла особенно сильный удар по малому бизнесу. Среди пострадавших – ресторанный бизнес и розничная торговля. Фото: Руслан Лоар /flickr.com. Некоторые права сохранены.

**В** апреле 2020 года, когда я пишу эту статью, экономика движется к рецессии. Никто не может сделать точный прогноз развития событий на ближайшие месяцы, так как неясно, как долго продлится пандемия. Но, вероятно, есть основания предвидеть глубокий спад в экономике. Вопрос только в том, насколько глубоким он будет.

## > Экономическое развитие и влияние на рынок труда

В лучшем случае приостановка работы в большинстве стран закончится через месяц. Даже в этом случае Германии, например, придётся столкнуться с падением экономического роста, как это было во время кризиса 2007–2009 годов. По данным Института экономических исследований ИФО, трёхмесячная

остановка работы может привести к падению экономического роста до 20%. При этом около 5,5 млн человек будут заняты в режиме укороченного рабочего дня (*Kurzarbeit* по-немецки: наёмных работников в Германии не увольняют во время рецессии, но их рабочие часы могут быть сокращены до нуля, при этом правительство возмещает им часть утраченного дохода). Однако многие малые и микропредприятия не смогут долго выживать без прямой финансовой поддержки, что в особенности является проблемой для районов с небольшим объемом экономики. Для чемпиона мира по экспортну, каким является Германия, неясно, последует ли за окончанием пандемии скачок экономического роста. Это зависит от того, насколько быстро восстановятся другие страны, такие как Китай и европейские соседи Германии. Действия феде-

рального правительства Германии противоречивы: оно должно быть заинтересовано в оперативной помощи в рамках ЕС, но оно блокирует выпуск еврооблигаций как средство антикризисного управления.

Есть много поводов для беспокойства. В этом кризисе нет ничего хорошего. Он грозит смертью тысячам людей, миллионы потеряют работу и временно он лишает миллиарды людей значимых основных прав. Чем дольше длится пандемия, тем серьёзнее её разрушительные последствия для культуры, общества и экономики. Таким образом, к крупным и мелким компаниям должно применяться следующее правило: никаких увольнений для наёмных работников и предпочтительно субсидированное временное прекращение производства. В целом, защита занятости будет иметь большое

значение. В Германии применяются проверенные и испытанные меры, такие как сохранение долгосрочной занятости в условиях сокращённого рабочего дня.

Производственные процессы также зависят от взаимодействий, от контактов между работниками. Социальные контакты на работе важны для многих. Даже физически тяжёлая и однообразная деятельность легче переносится, когда между работниками поддерживаются хорошие отношения. Сейчас всего этого нет. Призыв «держи дистанцию!» в основном означает радикальную де-социализацию или даже декоммуни-таризацию.

С другой стороны, на рабочих местах, которые в настоящее время считаются системно значимыми – в больницах, супермаркетах, домах престарелых, сельскохозяйственной сфере и т. д. – вряд ли можно полностью избежать физического контакта. Можно, например, следовать правилам и защищать продавцов с помощью перегородок из оргстекла, но, несмотря на эти меры предосторожности, риск для здоровья тех занятых, кто не работает из дома, непропорционально выше. По этой причине сейчас выросло признание значимости таких профессий, как водители автобусов, обслуживающий персонал, медицинские работники и медсёстры – со стороны как клиентов, так и широкой общественности. Можно только надеяться, что эта тенденция сохранится в дальнейшем и найдёт отражение в расширении штата сотрудников, увеличении оплаты и улучшении условий труда в этих сферах. В любом случае, страны, которые лучше всего переживают кризис, – это страны с надежной системой здравоохранения и устойчивые к кризису государства всеобщего благосостояния. Также становится ясно, какие страны европейского континента будут в наибольшей степени затронуты последствиями этого кризиса – это страны на юге и юго-востоке. Высокий уровень смертности среди инфицированных коронавирусом в Испании и Италии также связан с сокращением расходов на сектор здравоохранения, которое было навязано европейской политикой жёсткой экономии.

### > Ослабление демократии?

В настоящее время США являются центром глобальной пандемии. Радикальные правые, естественно, пытаются воспользоваться ситуацией, распространяя в интернете все виды теории заговора. Те, кто им верят, рисуют не только своим здоровьем, но и здоровьем других людей. Но люди увидят, что там, где у власти правые популисты, такие как Трамп, или правые радикалы, такие как Болсонару, антикризисное управление терпит провал. Поэтому я считаю, что кризис приведёт к серьёзному поражению правых популистов и радикалов.

Однако когда речь идёт о демократических процессах, существует ещё одна проблема: изменение климата может повлечь за собой ряд внешних потрясений, которые также требуют широкомасштабного антикризисного управления. Поэтому мы должны быть осторожны, чтобы чрезвычайное положение не стало нормой. Демократия нуждается в общественных дискуссиях, дебатах, демонстрациях и забастовках. Эти основополагающие права должны гарантироваться на постоянной основе, несмотря на кризисы.

### > Необходимые изменения

После коронавируса мир – в том числе мир труда – будет другим. Догмы экономической политики, которые последние десятилетия считались неопровергими, теперь неактуальны: потолок госдолга - passé! «Чёрный ноль» сбалансированного государственного бюджета – это вчерашний день. Сейчас государственный долг в моде. Смена парадигмы продолжится и после пандемии. Эти изменения давно назрели, и кризис, связанный с коронавирусом, только ускорил их. Возникает вопрос, как интерпретировать тот факт, что второй раз за десять лет капиталистическая рыночная экономика должна быть спасена с помощью методов нерыночной экономики. В будущем не удастся избежать роковых событий, имеющих разрушительные последствия глобального масштаба. И действительно для всех будет лучше понять, что нам действительно нужно. Даже я могу прекрасно жить без футбола Бундеслиги. Однако мы не

смогли бы жить без пекарей, фермеров, медицинских работников, водителей грузовиков и соседской помощи, что указывает на необходимость развития хорошо функционирующей социальной инфраструктуры, которая должна стать достойно финансируемым общественным достоянием. Если вы сравните ежемесячный доход профессионального футболиста Джейдона Санчо с доходом старшей медсестры, сразу станет ясно, что в нашем обществе что-то не так. Сфера социальных услуг должна быть улучшена и в социальном плане, и в финансовом отношении, и в отношении признания её значимости.

Что касается проблемы климатических изменений, то кризис приводит к катастрофическому антиросту в экономике. Как и в 2009 году, вредные выбросы и, возможно, также потребление ресурсов сократятся. Из-за кризиса Германия может даже достичь, в конце концов, своих целевых показателей по климату. Тем не менее, всё это совершенно не связано с революционными изменениями в области устойчивого развития, которые нам так необходимы. Теперь мы можем отчётливо видеть, что государство проявляет решительность во времена кризиса. Оно может ограничить свободы, которые мы реализуем за счёт других людей, посредством введения обязательных правил и на благо всего общества! Но, как отмечалось выше, важно, чтобы действия государства всегда осуществлялись в рамках процедуры демократического принятия решений. Свобода имеет обязательное социальное измерение, что также относится и к предпринимательским свободам. В будущем эти свободы должны быть связаны с целями устойчивого развития. Что может быть лучше, чем отказ от езды на внедорожнике? Ответ готов – не производить его! Что лучше, чем отказ от экспорта военной техники? Несомненно, прекращение её производства! Приведённые примеры демонстрируют, что после кризиса нам нужна фундаментальная дискуссия о нашем экономическом порядке – и в ней не должны принимать участие исключительно экономисты и профессиональные политики. ■

Адрес для связи: Клаус Дёрре  
[<Klaus.doerre@uni-jena.de>](mailto:Klaus.doerre@uni-jena.de)

# > Социология

## в мире после коронавируса

**Сари Ханафи**, Американский университет Бейрута, Ливан, президент Международной социологической ассоциации (2018–2022 гг.)



Коронавирус меняет мир, социологическую теорию и аналитику.  
Источник: Creative Commons.

**С**юрреалистическая атмосфера пандемии COVID-19 обнажает разрывы в доверии между людьми, между странами, а также между гражданами и правительствами. Эти обстоятельства заставляют нас задавать главные вопросы о себе, социальных отношениях и жизни в целом. Текущий кризис не ограничивается только здоровьем населения и окружающей среды или экономики. То, что мы наблюдаем, – это момент истины в отношении кризиса поздней современности и её капиталистической системы в широком, всеобъемлющем масштабе. После того, как мы преодолеем этот кризис, мы не сможем просто вернуться к обычным делам. Поэтому социальным наукам следует анализировать новые реалии и активно участвовать в их создании.

Какой будет социология в мире после коронавируса? Я хотел бы сделать акцент на трёх задачах социологии: создание многоуровневых подходов, которые связывают сообщество и

человечество; выработка активной позиции в борьбе с болезнями антропоцена и капиталоцена; и, наконец, формулировка более совершенной повестки дня в целях признания социологии и принятия на себя моральной ответственности.

### > Многоуровневые подходы – от сообщества к человечеству

Во-первых, ситуация в свете коронавируса очень ясно показывает, насколько в мире всё действительно взаимосвязано, превращая образ глобальной деревни из метафоры в реальность. При этом нам по-прежнему необходимо добиваться более глобальной солидарности и более гуманистической глобализации. Для этого требуется много масштабная концептуализация. Жиль Делёз утверждал, что левые (включая большинство социологов) воспринимают мир с точки зрения отношений, которые начинаются с наиболее дистанцированных и движутся к более локальным. На-

пример, социальное неравенство понимается как глобальное макро-явление эксплуатации, которое можно вскрыть посредством понимания империализма и колониализма. По этой причине большинство социологов призывают разобраться со структурами империализма и колониализма для того, чтобы должным образом решить проблемы пострадавших (обобщённо) социальных классов.

Некоторые движения политики идентичности (например, некоторые исламские движения, а также крайне правые и консервативные движения), напротив, рассматривают социальные отношения как зарождающиеся в контексте близкой дистанции и переходящие на удалённую. Они верят в работу сообщества, а также в действенность семейных и соседских отношений. Например, сторонники Трампа верят в его способность решать проблемы социального неравенства, с которыми сталкиваются забытые общины белых сельских американцев. А религиозные организации в Ливане в настоящее время являются наиболее активными НПО, помогающими семьям, которые потеряли работу во время изоляции. Другие движения, развивающие политику идентичности (сфокусированные на этнической принадлежности, гендере, сексуальности и т. д.) формируют свою повестку контекстуально. Они чаще всего опираются на проблемы локального сообщества и при этом апеллируют к универсальной доктрине прав человека. И всё же, для Ричарда Рорти, продвигающего культурную программу плурализма, эта борьба «культурных левых» за классовую социальную справедливость порой весьма минимальна (как в случае США).

&gt;&gt;

Я считаю, что социология после пандемии способна пересмотреть традиционный подход к своему предмету (от внешнего к внутреннему или от внутреннего к внешнему) и использовать методы, которые могут работать на разных уровнях. Возможно переосмысление важности семьи, сообщества и этики любви, гостеприимства и заботы, а затем расширение масштаба анализа до уровня национального государства и человечества в целом.

### > Борьба с антропоценом / капиталоценом

COVID-19 – это болезнь не только глобализации, но и антропоцена. Кredo человеческого консьюмеризма истощает ресурсы, которые наша планета Земля не может возобновить, и этот вирус является всего лишь одним (хотя и значительным) эпизодом такого консьюмеризма. Как мы знаем, инфекция COVID-19 была передана людям от неодомашненных животных (таких как циветы, панголины и летучие мыши) через употребление этих животных в пищу. Интересно, они действительно такие вкусные? Бурдье посчитал бы факт употребления в пищу этих животных отличительным признаком принадлежности к культурному классу, указывающим на значительное количество ненужных и роскошных предметов, которые мы, средний и низший средний класс, потребляем. Таким признаком отличия для многих ливанцев является отпуск, проводимый за границей.

Ненасытный консьюмеризм обусловлен попыткой получить, по выражению французского социолога Ригаса Арванитиса, мифологический доступ к счастью, который в конечном итоге только ускоряет появление новых проблем со здоровьем, эпидемий, смертей и стихийных бедствий. Изучение многомасштабных отношений невозможно без воссоединения индивида, общества и природы. Например, решение проблемы климатических изменений и политico-экономической системы невозможно без повышения осведомлённости общественности об отношениях людей с землей и человечеством. Джейсон Мур развивает понятие «капиталоцен» как критическую провокацию в отношении понятия «антропоцен». По его мнению, капитализм является системообразующим принципом природы в целом: это мировая экология, которая объединяет накопление капитала, погоню за властью и совместное производство природы в последовательных исторических конфигурациях.

Многомасштабный подход требует воссоединения экономического и социального и их соединения с политическим и культурным. Нам необходимо возродить концепцию социальной укоренённости (*embeddedness*) Карла Поланы. Поланы описал три формы интеграции общества в экономику: обмен, перераспределение и взаимность (реципрокность). Социальные науки должны основательно переосмыслить эти три термина. В современных условиях необходимо подвергнуть моральному суждению рынок (место обмена) и установить жёсткий общественный контроль над всеми формами спекуляций. Пере распределение должно регулироваться таким образом, чтобы предотвратить концентрацию богатства в руках узкого круга компаний; необходимо увеличить налогообложение на самых богатых и обеспечить переход к медленно растущей экономике. Этот переход должен сопровождаться удовлетворением потребностей в дешёвом общественном транспорте с низким уровнем выброса углерода, отношением к социальным услугам как инвестициям (а не обязательствам), обеспечением безопасности рынков труда. Проблему реципрокности я рассмотрю в следующем разделе настоящей статьи.

Мы осознаем, что борьба за окружающую среду неотделима от нашего выбора политической экономии и от того, какую экономическую систему мы хотим построить. Связи между людьми и природой никогда не были столь непосредственными и тесными, как в настоящее время. Мы живем в эпоху острого кризиса быстрого экономического роста, суть которого чётко сформулировал бывший президент Соединенных Штатов Рональд Рейган, когда заявил: «Пределов экономического роста не существует, потому что не существует ограничений для развития человеческого интеллекта, воображения и интереса». В [одном из предыдущих номеров «Глобального диалога»](#) Джеймс Голбрейт и Клаус Дёррэ предположили, что на самом деле пределы экономического роста существуют, и наметили контуры значительно регулируемой медленно растущей новой экономики, механизмы которой интегрируют биофизические основания.

### > Политика признания и моральных обязательств

Теперь я перейду к обсуждению понятия реципрокности как части концепции социальной укоренённо-

сти (*embeddedness*) экономического действия, которую развивал Карл Поланы. Реципрокность представляет собой взаимный обмен товарами и услугами, являющийся частью долгосрочных договорных отношений, сопровождаемых взаимностью, моральными обязательствами и заботой. Реципрокность опирается на политику признания, осуществляющую группами и/или сетями, которые признают идентичность других, что соответствует принципам парадигмы плюрализма и мультикультурализма. Функционирование реципрокности зависит от силы или слабости моральных обязательств в социальных отношениях. Примером сильных связей являются сети солидарности, которые исследовал Марк Грановеттер. Исследователь утверждает, что сильные сетевые отношения часто основаны на отношениях дарения. Этот тезис развивает Ален Кэйе, который выдвигает антиутопистскую гипотезу, согласно которой стремление людей к тому, чтобы их ценили как дарителей, означает, что наши отношения основаны не только на экономическом интересе, но также на удовольствии, моральном долге и спонтанности.

Посткоронавирусная социология будет значимой только в том случае, если она вооружится утопией, которая, даже если она не может полностью реализоваться, тем не менее, будет направлять наши действия. Этическая жизнь без утопии невозможна, и разница между проповедью священника и утопией социолога заключается в том, что последняя не обязательно осуждает антиутопическое видение других и может даже стремиться работать с теми, кто в него верит. Таким образом, такая социология должна ценить и продвигать отношения дара и моральных обязательств, концептуализированные Моском, соединяя социальные науки с моральной философией.

Возможно, переживаемый нами глобальный кризис даёт начало новым стратегиям усиления эксплуатации, экспроприации и неолиберального капитализма, и расширяет границы нашей жадности и эгоизма. Но этот же кризис даёт нам возможность исследовать и вырабатывать новые способы понимания и восстановления социальной справедливости и гуманности. ■

# > Гендеризированное городское пространство в Бангладеш

**Лутфун Нахар Лата**, Университет Квинсленда, Австралия, член ИК МСА по городскому и региональному развитию (ИК21)



Женщины трущобы Саттала продают овощи. Фото: Лутфун Нахар Лата.

**Б**ыстрорастающие мегаполисы глобального мира не в состоянии обеспечить достаточную поддержку бедным горожанам. Соответственно, значительная часть экономики южных городов остается неформальной, т.е. не признанной «формальными» режимами. Это касается жилищных условий и практик заработка. Бедные зависят от неформального сектора занятости, который часто имеет амбивалентный правовой статус. Неформальная экономка обеспечивает от 60 до 80% общего числа рабочих мест и почти 90% новых рабочих мест в городах страны. Не является исключением из этого правила и Дакка, один из южных мегаполисов страны. Большинство жителей трущоб этого города не имеет доступа к формальной занятости. Лишь небольшое число занято в швейной отрасли на низко оплачиваемых работах. Исследования показывают, что планы развития города, в основном, касаются инфраструктуры и недвижимости, которые призваны обслуживать формальную экономику и жилищные потребности элит, и недостаточно внимания уделяют потребностям городской бедноты в жилье и работе. Именно поэтому неформальная занятость является наиболее вероятной опцией для поддержания бедных домохозяйств. Однако неформальная торговля

сталкивается со многими проблемами, когда она разворачивается в общественных местах города.

Среди множества барьеров, которые препятствуют возможностям заработка в неформальном секторе экономики, чрезвычайно серьезными являются ограничения доступа к публичным местам для торговли, особенно вблизи кварталов, заселенных бедными. Социологические исследования продемонстрировали значимость публичного пространства для уличной торговли и подтвердили, что доступ к нему является крайне важным ресурсом бедноты Глобального Юга. Тем не менее, в большинстве городов Глобального Юга городское планирование и практики управления не оставляют пространства для растущего числа бедных людей. Кроме того, благодаря продолжающемуся росту городского населения (в основном за счет миграции из сельской местности) и спросу на землю для развития недвижимости, плотность населения является чрезвычайно высокой. В результате доступ к публичному пространству является одной из основных проблем исследования образа жизни в крупных городах.

Городское пространство конструируется социальными силами: различные акторы следуют своим интересам, удовлет-

&gt;&gt;

воряют свои потребности и желания и обладают дифференцированной властью управления пространством. Поскольку в Дакке присваивание публичного пространства для торговли является незаконным, городские бедные постоянно изгояются из этих мест, что нарушает их право на безопасность жилья и права на город. Дискурс о пространстве и гендере значительно изменился в последние десятилетия. Начиная с 1970-х годов традиционный конструкт о различении публичного пространства как принадлежащего мужчины и приватного как места женщины неумолимо разрушается благодаря тому, что женщины все чаще используют городское пространство и получают доступ к нему. И все же доступ к публичным пространствам для заработка и дохода все еще проблематичен для женщин в Бангладеш. Доступ к публичному пространству для женщин зависит от социальных норм, ценностей, религиозных практик, культурно и социально сконструированных представлений о гендеризированных видах занятий. Для бедноты, живущей в трущобах, женская неформальная занятость – необходимый источник выживания, поскольку семья не может существовать на один доход. Тем не менее, доступ женщинам в публичные пространства часто ограничен, поскольку доминирующие гендерные идеологии до сих пор утверждают, что естественное место для женских занятий – это домашнее пространство.

Большинство исследований южно-азиатских городов показывает, что бедные женщины выполняют надомную работу. Однако некоторые исследования изучают, как женщины используют публичные пространства для жизнеобеспечения. Мое этнографическое исследование в трущобном районе Саттола в Дакке продолжалось четыре месяца с ноября 2015 по февраль 2016 года. Я провела интервью с 94 работниками теневой сферы (18 женщин и 76 мужчин). Исследование показывает, что, стараясь получить доступ к публичному пространству с целью заработка, женщины испытывают тройное давление - социальной стигмы, религиозных барьеров и патриархата.

Большинство женщины Саттолы не работают за деньги. Религиозные мусульманские нормы - purdah – ограничивают женщин в передвижении, выборе одежды и видах деятельности. Работа вне дома считается признаком крайней бедности. В результате лишь 3% женщин и 23% мужчин, проживающих в сельской местности, работают в сфере оплачиваемой занятости, а участие женщин в оплачиваемом неаграрном секторе экономики составляет 18%. Такой гендерный дисбаланс объясняется тем, что оплачиваемый труд женщин ценится обществом гораздо ниже, чем их репродуктивная роль, забота и выполнение других домашних обязанностей. Женщины (даже старшего возраста), которые нарушают эти гендерные границы и выходят за пределы домашнего пространства, чтобы заработать своим трудом, сталкиваются сексуальными и вербальными домогательствами и оскорблением достоинства. Мужчины осуждают их за нарушение социальных норм. Большинство опрошенных женщин сталкивались с таким отношением, хотя их работа заключалась в ежедневной торговле овощами и другими товарами вблизи от места проживания. Одна из участниц исследования призналась: «Многие люди говорят обо мне гадости, потому что я женщина, которая занимается бизнесом. И все равно я должна продолжать свою торговлю, чтобы мои дети могли получить образование». Другая информантка признается:

«Когда я продаю чай, некоторые мужчины задираются. Иногда они пристают ко мне, распускают руки». Некоторые женщины просто игнорируют мнение посторонних, потому что слишком бедны и не могут дать достойный отпор обидчикам. Продавщица вареных яиц сказала: «У людей бывает разная ментальность, и мне на это наплевать». Очень часто бедные женщины работают на улице, потому что у них нет другого выбора. Так, например, муж Мойны заболел и не мог работать, а ее сын был наркозависимым и жил отдельно. Чтобы выжить, она должна была работать. Когда представители Медицинского исследовательского Совета Бангладеш выгнали уличных торговцев с улицы, находящейся невдалеке от их здания, она продолжила торговлю на главной улице трущобы Саттола.

Мое исследование показало, что многие женщины являются жертвами крайних форм сексуального домогательства со стороны мужчин. Женщины, торгующие на улице, часто рассматриваются мужчинами как «сексуальные работницы». В результате большинство женщин, которые торгуют за пределами трущобы, ходят на работу в сопровождении старших братьев, соседей, мужей или детей. Так, например, Тахера открыла цветочную торговлю вместе со своим соседом, Ноахали, чтобы избежать вербального и сексуального харассмента со стороны посторонних мужчин. Часто утверждают, что занятость и заработка делает женщин сильнее. Однако это утверждение совсем не относится к беднейшим женщинам Дакки, чья безопасность зависит от того, есть у них сопровождающий мужского пола или нет.

Правительство Бангладеш гордится тем, что страна занимает 47 место из 144 стран по данным Глобального рейтинга гендерного разрыва 2017 года. Но все же сделано еще недостаточно. До сих пор правительство фокусировалось на улучшении условий жизни бедных женщин, проживающих в сельской местности, и проводило политику обучения и тренингов городских и сельских женщин, ориентированную на возможности трудоустройства. До сих пор правительство и НПО подчеркивают «стратегические гендерные интересы женщин», порожденные их подчиненной позицией в отношении мужчин. Правительство и НПО стараются содействовать женской занятости, предоставляя им небольшие займы, которые позволяют осуществить «практические гендерные интересы». «Практические гендерные интересы» возникают как реакция на непосредственные нужды женщин, возникающие в контексте социально признанных гендерных ролей, а не способствуют достижению стратегической цели женской эмансипации. Однако сохраняется необходимость улучшения условий труда жительниц города и создания инфраструктуры внешкольных детских учреждений, которые будут способствовать занятости женщин. Еще более важно, чтобы правительство предприняло шаги по обеспечению физической безопасности женщин и реализовало политику создания безопасного города. Если правительство и НПО не в состоянии обеспечить физическую безопасность женщин в общественных местах, все остальные усилия – все правила и установления, которые предпринимает государство для усиления позиции женщины в обществе – не будут иметь значимого эффекта. ■

Адрес для связи: Лутфун Нахар Лата <[l.lata@uq.edu.au](mailto:l.lata@uq.edu.au)>

# > Интернационализм трудящихся и свободная циркуляция капитала

Ракель Варела, Новый университет Лиссабона, Португалия



Фото: Ник Бастиан/flickr.com. Некоторые права сохранены.

**Л**етом 2016 года *Dura Automotive*, транснациональная компания, базирующаяся в США, получила огромный заказ по доставке запчастей «Крайслера», «Ауди» и «БМВ» в разные страны. Число заказов росло, и компания рисковала большими штрафами, если рабочие откажутся работать сверхурочно в выходные дни. Немецкие работники компании в городе Плеттенберге приняли решение выйти на сверхочную работу только при условии подписания коллективного соглашения с профсоюзом немецких металлистов *IG Metall*. Германскому предприятию угрожала релокация в Португалию и другие страны, что повлекло бы за собой сокращение от 1000 до 700 рабочих мест. Управляющие *Dura* ответили радикальной формой демпинга: они попросили 260 португальских работников предприятия *Dura Carregado* отправиться на работу в Германию на июль 2016 года. Это путешествие было остановлено в самом начале, благодаря местному давлению: немецкие рабочие пригрозили закрыть предприятие. Однако в октябре 2016 года после нескольких раундов переговоров около трехсот португальских рабочих прибыли в Германию, чтобы выполнять заказы по субботам и воскресеньям в течение двух месяцев.

Многие местные рабочие встретили прибывших протестами. Тем временем профсоюз *IG Metall* обратился с иском в суд. Суд вынес беспрецедентный приговор: действие компании было признано соответствующим закону, поскольку в будние дни компания *Dura*, находящаяся в Германии, работала по законам Германии, а на выходные в силу вступали португальские законы! В интервью португальский рабочий рассказал, что когда они прибыли на работу в Германию атмосфера была «напряженной», а местные рабочие частично вывели из строя оборудование.

## > Трудовая миграция в центре реструктурирования европейской занятости

В коммодифицированном обществе рабочая сила является товаром, а рабочие конкурируют друг с другом не только в рамках одного сектора экономики, но также на национальном и международном рынке труда. Они стремятся наиболее выгодно продать свою рабочую силу. Трудовая миграция связана с объективными факторами: величиной заработной платы и правом на рабочее место. Отсутствие сильных политических партий, представляющих интересы международного рабочего класса, сделало проблему трудовой миграции заложником двух вариантов национальной политики. Одна из них является расистской, запрещающей и крайне правой. Другая – способствует свободному движению рабочей силы (эти политики реализуют либеральная, консервативная и социал-демократическая партии). В настоящее время в европейских обществах не существует влиятельной международной радикальной политики в этом отношении. Миграционные политики европейских государств до сих пор опирались в основном на императивы управления рабочей силой, а не руководствовались гуманистическими или мультикультуральными принципами. Расизм и ксенофобия получают социальную поддержку при отсутствии эффективных солидарных связей между высоко оплачиваемыми и низко оплачиваемыми рабочими.

В условиях глобализации конкуренция между рабочими создается благодаря механизму снижения оплаты труда в разных странах мира. Но в то же время глобализация создает условия для противоположного феномена, т.е. для интернационализма. Если португальские рабочие из *Dura Carregado* могут быть штрайкбрехерами в Германии, то

&gt;&gt;

европейские докеры могут с минимальными затратами бастовать в защиту докеров Португалии, помогая им одержать победу.

#### > Трансграничная поддержка забастовки

Международный союз докеров (MCA), в который входят 140 000 человек, был основан в Ливерпуле 20 лет назад. И вот при каких обстоятельствах это произошло. 29 сентября 1995 года 500 ливерпульских докеров, работавших на постоянном контракте, встали на сторону пикетчиков, поддержав требования пятидесяти прекарных работников. В результате они были уволены, и так началась дискуссия, которая получила глобальную известность в 1995 и 1998 гг.

Ливерпульский конфликт стал первым международным движением рабочих против неолиберализма, и такие протесты до сих пор остаются редкостью. Этот конфликт объединил прекарных и защищенных работников и продемонстрировал солидарность этих групп рабочего класса. Эта стратегия привела к тому, что в 2013 году на выборах руководителя профсоюза докеров в Лиссабоне победил Антонио Мартьяно, который наиболее активно поддерживал ливерпульцев. С самого начала деятельность MCA была насыщена жестами проявления международной солидарности, которые выходят за пределы профсоюзной дипломатии, типичной для других конфедераций. Эта солидарность подтверждается активными международными и региональными забастовками, общими стратегическими решениями на местных и глобальных форумах.

Между 2013 и 2016 годами профсоюз организовал волну забастовок и акций протesta, что привело к сохранению прекарных рабочих мест в Лиссабонском порту. И это произошло вопреки действующему закону, который во время португальского финансового кризиса либерализовал правила заключение контрактов в портах по требованию Тройки (Европейской Комиссии, Европейского Центрального Банка и Международного Валютного Фонда).

1 августа 2012 году португальское правительство одобрило новый Трудовой кодекс, который аннулировал действовавшее прежде Коллективное трудовое соглашение. Новый кодекс закрепил новый тип индустриальных отношений; отменил ограничения в найме временных работников; отменил в тарифных шкалах категорию рабочих высшей квалификации; разрешил увольнения, увеличил допустимую длительность часов работы; сократил минимальную оплату труда с 1700 € до 550 €. Руководство профсоюза ответило четкой стратегией: уволенным прекарным работникам были выданы субсидии из средств забастовочного фонда работников, занятых на долгосрочных контрактах. Кроме того португальский профсоюз убедил MCA организовать общеевропейскую забастовку докеров в 2014 году.

4 февраля 2014 года по инициативе MCA профсоюзные собрания докеров в разных портах Европы информировали рабочих о том, что происходит в Лиссабоне. Во время этих собраний во всех портах в знак рабочей солидарности была прекращена работа. Двухчасовая забастовка завершилась победой докеров Лиссабонского порта: им пообе-

щали, что 47 прекарных работников будут восстановлены на работе и некоторые из них на лучших условиях найма. Общеевропейская забастовка докеров и европейская забастовка сотрудников кампании Ryanair в июне 2018 года стали единственными общеевропейскими акциями рабочей солидарности после кризиса 2008 года. В других случаях профсоюзы придерживались исключительно националистических позиций.

На мой взгляд, решающее значение в победе Лиссабонских докеров в конфликте с компанией *Dura* сыграла эволюция профсоюза и его политическое руководство. Но этот вывод не является самоочевидным. Исследовательский вопрос был сформулирован следующим образом: какие исторические условия приводят к тому, что в одном случае программа профсоюзов оказывается интернациональной, а в другой – националистической? Чтобы ответить на этот вопрос, необходим анализ множества факторов.

#### > Солидарность не на словах

Глобализация создала модель производства, общую для всего мира. Мы никогда не были столь зависимы друг от друга. В XIX веке, если фабрика начинала бастовать и владелец хотел остановить протест, он платил своей подкормленной полиции – местным наёмникам. В то время не только подавление протеста было локальным. Локальный масштаб имел также обычный производственный процесс: сырье, наемные работники, комплектующие, наладка оборудования – все эти элементы производства были локализованы на фабрике или вблизи нее. Теперь ситуация изменилась. Контейнеры собираются в Южной Корее, сталь поступает из Испании, оборудование – из Финляндии, красители производятся в Германии, дизайн создается в университетах США. И это в порядке вещей.

Докеры вовремя сообразили, что прекарное положение молодых временных работников является бомбой замедленного действия для них самих и осознали силовой потенциал прекариата. Поскольку сложные общества характеризуются цепной моделью взаимодействий, остановка одной цепи на некоторое время блокирует все производство и является крайне затратной. Можно остановить всю страну и все производство с помощью одного точечного удара. Такой потенциальной властью обладают не только работники транспорта, но и представители таких профессий, как врачи, учителя, чиновники, а также магистраты.

Возрастающее пространство самоопределения рабочих во всем мире связано с признанием дифференцированных потребностей и возможностей развития общественного движения в современном обществе в целом. Анализ динамики капиталистического накопления и стратегическое использование границ мирового рынка должны привести к развитию интернационального движения рабочих. Такой интернационалистический подход необходимо конструировать на основе организации трудящихся независимо от капитала. *Verba non sufficiunt ubi opus est factum.* Слов недостаточно; необходимо перейти к конкретным действиям! ■

Адрес для связи: Ракель Варела <[raquel\\_cardeira\\_varela@yahoo.co.uk](mailto:raquel_cardeira_varela@yahoo.co.uk)>

# > Португалия в противостоянии с крайне правыми

Элизиу Эстанке, Университет Коимбры, Португалия, член Исследовательского комитета МСА по социальным классам и социальным движениям (ИК47)



Демонстрация в Лиссабоне против политики Тройки. Лиссабон, 2019 г. Фото: Элизиу Эстанке.

**В** своей книге 2017 года «Об экстремизме и демократии в Европе» (*On Extremism and Democracy in Europe*) Кас Мадде утверждает, что основная цель борьбы правых радикальных популистских партий заключается в признании значимости тех проблем, которые они считают «своими» - коррупции, иммиграции и безопасности. Крайне правый популизм, отрицая существование различных интересов у населения и навязывая монолитное и эссенциалистское понятие «народ» в противопоставлении к коррумпированной «элите», приводит к маинхейскому и поляризованному взгляду на политическую культуру. Правый популизм мобилизует избирателей против политической элиты, обвиняя её в том, что она не защищает «народ» от внешних «угроз», представленных «другими», «незнакомцами», «чёрными», «цыганами» или «иммигрантами». В условиях сокращения численности промышленного рабочего класса дефицит признания, с которым сталкиваются те его слои, которые не могут сформулировать общие требования, может вызвать рост недовольства. Как отмечает Клаус Дэрре (2019), этот специфический классовый опыт может стать «материалом для формирования правого популистского блока».

Хотя Португалия в Европе, пораженной популизмом, до сих пор считалась исключением, поскольку в ней не было

фашистских партий или движений, ситуация может измениться. Я выделяю три важных социологических аспекта, которые могут объяснить природу этих изменений: длительный период диктатуры; радикальная демократическая революция в апреле 1974 года; последующая перестройка классовой структуры наряду с сохранением социального неравенства.

## > Историческая справка

При интегралистском консерватизме режима «Нового государства» (*Estado Novo*), порождённом военным переворотом 1926 года и официально учреждённом в 1933 году, массовое рабочее движение, вызванное падением монархического режима в 1910 году, было основной мишенью власти. Под прикрытием католической церкви, которая пыталась отомстить республиканцам-социалистам и анархистам за нападение на церковные привилегии в 1920-е годы, моралистическая идеология Салазара более четырёх десятилетий удерживала страну в отсталом положении в отношении образования, культуры, экономики и промышленности, подвергала население санкциям, а представителей оппозиции – преследованиям, арестам и пыткам. Однако, несмотря на репрессивный аппарат и цензуру, в начале семидесятых начались забастовки и сформировались под-

&gt;&gt;

польные профсоюзные структуры, в основном под влиянием Коммунистической партии Португалии и некоторых прогрессивных сил, связанных с Церковью. В 1960-е годы колониальная война в Африке и протесты студентов в Лиссабоне, Коимбре и Порто, затронутые веяниями из-за границы, усилили недовольство (особенно среди молодёжи, ставшей первой жертвой войны). Все эти обстоятельства способствовали зарождению и распространению надежды на демократические преобразования в стране.

Военный переворот 25 апреля 1974 года, совершённый группой лидеров, которые отказались продолжать войну и боролись за демократическую и более развитую страну, имел решающее значение. Однако именно следующий этап мобилизации населения (забастовки и захваты, идеологические дебаты и глубокие политические разногласия) стал великой «школой» демократии и формирования гражданства. Тем не менее, эта школа была полна контрастов, иллюзий и открытых конфликтов, в которых «социализм» был главным предметом диспута, а неприятие «фашизма» было основным объединяющим фактором. Антифашистское единство не стало препятствием для структурной ненависти между коммунистами и социалистами. Такие отношения между партийными блоками продолжались до 2015 года и завершились формированием альянса политических сил, получившего название *geringonça* (хитроумное изобретение).

### > Разрушение демократии

В течение 46 лет демократии и 35 лет членства в ЕС (куда Португалия была принята в 1986 году) страна демонстрировала значительный социальный и институциональный прогресс. В политической сфере правительства всегда поддерживались парламентским большинством, которое колебалось между правоцентристскими (СДП и СДС) и левоцентристскими (СД) партиями, причём парламентские правые в основном были представлены СДС (Социально-демократический Центр, вдохновленный Христианскими демократами). Доля парламентских правых достигла 16% в 1976 году (при умеренном лидере Фрейташе ду Амарале, основателе партии, который в последние годы своей жизни сблизился по своим позициям с Социалистической партией), но она теряет вес и составляет сегодня 4,25%.

Наиболее радикальный дискурс со ссылками на салазаризм и ксенофобские практики до недавнего времени был ограничен очень небольшими группами. Блок радикальных правых включает Партию Национального Обновления (далее ПНО), основанную в 2000 году и партию «Новый Общественный Порядок» (НОП), основанную в 2014 году. ПНО объединяет небольшие радикальные группы, поддержка которых никогда не выходила за пределы 0,2%. Эта партия даже была привлечена к суду за насилие, ксенофобию и незаконное владение оружием. Лидером НОП является Марио Мачадо, диссидент ПНО, ранее осуждённый за насилие на почве ксенофобии. В августе 2019 года на встрече представителей крайне правых партий, ранее объявленной «крупнейшим событием в истории португальского национализма», собралось несколько десятков человек, включая представителей европейских неофашистских партий. Эта встреча стала объектом контрдемонстрации со стороны сотен активистов, собравшихся у дверей отеля, где она проходила.

Как мы знаем, политические программы ЕС, несмотря на их позитивное влияние на Португалию, постепенно все больше ориентируются на неолиберальный капитализм и

валютный союз, что создаёт серьёзные проблемы для экономики страны. В результате недавнего кризиса возросло социальное неравенство, а вместе с ним и нестабильность, бедность в условиях общей стагнации оплаты труда (средняя зарплата в 2018 году оставалась на уровне 2008 года). Поскольку ожидания среднего класса и значительной части рабочих не оправдались, португальское общество охватили увольнения и молчаливое негодование, а также постепенное отстранение от политических действий и ассоциаций. Это можно увидеть на примере растущего уровня отказов от голосования на парламентских выборах – с 8,3% в 1976 году до 51,4% в 2019 году. Незащищённость, уязвимость и страх сформировали склонность к благоговению перед властью и оппортунистическими лидерами, что представляет собой наиболее плодотворную почву для расцвета правого популизма.

### > Угроза популизма

Португальская демократическая жизнь, следовательно, не застрахована от популистского нарратива. Освещение в СМИ, сенсационная бульварная журналистика и растущая популярность телевизионных фигур (в том числе из-за их систематического участия в развлекательных и/или футбольных шоу и дискуссионных программах) уже приносят потенциальным лидерам политические дивиденды. Яркий пример этого феномена – популярность президента Марселу Ребелу де Соуза, который более десяти лет вёл еженедельные телешоу и тем самым приобрел широкую известность. Андре Вентура, одна из самых противоречивых фигур крайнего правого популизма сегодня, является порождением самого ядра гегемонного политического спектра. Ранее он был членом Социал-демократической партии, связанной с либералами в Европейском парламенте. Вентура приобрёл известность, когда, будучи кандидатом от СДП в муниципалитете на окраине Лиссабона, предложил бороться с общиной рома с помощью силовых полицейских методов и даже пообещал стерилизовать женщин-рома, утверждая, что община по существу является агрессивной, выживает за счёт незаконной деятельности и государственных ресурсов, поставляемых социальной политикой. Впоследствии Вентура вышел из состава СДП и на последних выборах основал новую партию под названием *Chega* («Хватит!»), легализованную в 2019 году, которая принимала участие в парламентских выборах. Набрав 1,3% голосов избирателей, он стал единственным парламентарием от этой партии. Партия Вентуры также опирается на поддержку старых кадров и идеологов, известных связями с неофашистскими силами и группами, ностальгирующими по Салазару.

Националистический, ксенофобский и антииммигрантский дискурс радикализируется, а радикальный и моралистический язык в отношении государства, систематически пренебрегает демократическими правилами и достоинством парламента. *Chega* пропагандирует словесные партизанские бои и поддерживает позицию постоянной виктимизации, направленную против политической элиты. Популярность Вентуры возрастает благодаря тому, что СМИ активно освещает его парламентскую деятельность. Последние опросы общественного мнения показывают, что в настоящее время его поддерживает уже 6% избирателей (согласно опросу издания *Expresso/SIC*, проведённому 14 февраля 2020). Действительно, налицо тревожные признаки того, что Португалия перестанет быть исключением в отношении роста влияния неофашистских партий. ■

Адрес для связи: Элизиу Эстанке <[elisio.estanque@gmail.com](mailto:elisio.estanque@gmail.com)>